

Генрик Ибсен

## Йун Габриэль Боркман

### Действующие лица

- Йун Габриэль Боркман, бывший директор банка.
- Фру Гунхильд Боркман, его жена.
- Эрхарт Боркман, их сын.
- Фрекен Элла Рентхейм, сестра-близнец фру Боркман.
- Фру Фанни Вильтон.
- Вильхельм Фулдал, сверхштатный писец в одной из правительственных канцелярий.
- Фрида Фулдал, его дочь.
- Горничная фру Боркман.

*Действие происходит зимним вечером в родовой усадьбе Рентхеймов, недалеко от столицы.*

### Действие первое

*Гостиная фру Боркман; старинная роскошная, но уже поблекшая, выцветшая обстановка. В глубине открытая раздвижная дверь, ведущая на закрытую веранду с окнами и стеклянную дверь в сад; в окна и дверь видно, что в саду сумерки и валит хлопьями снег. У стены направо, впереди, большая старинная железная печка, в которой пылает огонь; подалее, в той же стене, входные двери из передней. В левой стене, впереди, окно, занавешенное плотными гардинами; подалее маленькая одностворчатая дверь. Между окном и дверью канапе с волосяной набивкой, без пружин; перед ним стол, покрытый ковровой скатертью. На столе зажженная лампа под абажуром. У печки кресло с высокой спинкой. На канапе с вязаньем в руках сидит фру Боркман. Это пожилая дама, с холодным, надменным, точно застывшим лицом и прямой осанкой. Густые волосы ее сильно тронуты сединой, руки белые, прозрачные; одета в темное шелковое платье, когда-то очень элегантное, но теперь несколько поношенное и потертое; на плечи накинут большой шерстяной платок. Некоторое время она сидит прямо и неподвижно, погруженная в свое вязанье. Вдруг с улицы раздается звон бубенчиков проезжающих саней.*

**Фру Боркман** (*прислушивается, глаза ее вспыхивают от радости, и она невольно шепчет*). Эрхарт! Наконец-то! (*Встает и смотрит в окно сквозь гардины, затем, видимо разочарованная, садится на прежнее место за работу.*)

*Несколько минут спустя из передней входит горничная, неся в руке маленький поднос с визитной карточкой.*

(*Живо.*) Так господин Эрхарт все-таки приехал?

**Горничная.** Нет, барыня. Но к вам дама...

**Фру Боркман** (*откладывая вязанье*). А, фру Вильтон...

**Горничная** (*подходя ближе*). Нет. Это чужая дама...

**Фру Боркман** (*протягивая руку за карточкой*). Дайте сюда. (*Читает, быстро встает и пристально смотрит на горничную.*) Вы наверное знаете, что это ко мне?

**Горничная.** Да, я так поняла, что к барыне.

**Фру Боркман.** Она сказала, что желает видеть фру Боркман?

**Горничная.** Да, именно так.

**Фру Боркман** (*отрывисто, решительно*). Хорошо. Скажите, что я дома.

*Горничная открывает двери в переднюю, впускает Эллу Рентхейм и удаляется. Элла Рентхейм похожа на сестру, но лицо ее, хранящее следы былой характерной красоты, отличается скорее страдальческим, чем суровым выражением. Густые, совершенно седые, вьющиеся от природы волосы зачесаны кверху, открывая лоб. Она в черном бархатном платье, в таком же пальто, подбитом мехом, и в шляпе. Обе сестры стоят с минуту молча, испытующе глядя друг на друга; каждая, очевидно, ждет, чтобы начала говорить другая.*

**Элла Рентхейм** (*оставаясь у дверей*). Ты, видно, очень удивлена, Гунхильд.

**Фру Боркман** (*неподвижно стоит между канане и столом, упершись кончиками пальцев в скатерть*). Ты не ошиблась? Управляющий живет ведь в соседнем флигеле, как тебе известно.

**Элла Рентхейм.** Сегодня мне надо поговорить не с управляющим.

**Фру Боркман.** Так тебе нужно что-нибудь от меня?

**Элла Рентхейм.** Да. Мне надо поговорить с тобой.

**Фру Боркман** (*выходя на середину комнаты*). Ну, так присядь.

**Элла Рентхейм.** Благодарю. Мне нетрудно и постоять.

**Фру Боркман.** Как хочешь. Но хоть расстегни пальто.

**Элла Рентхейм** (*расстегивая пальто*). Правда, здесь ужасно жарко...

**Фру Боркман.** Я вечно зябну.

**Элла Рентхейм** (*стоит с полминуты молча, опираясь руками о спинку кресла и глядя на сестру*). Да, Гунхильд... вот уже скоро восемь лет, как мы не видались.

**Фру Боркман** (*холодно*). Во всяком случае, не разговаривали.

**Элла Рентхейм.** Вернее, не разговаривали, да. Видеть-то ты меня, верно, видела иногда... в мои ежегодные наезды к управляющему.

**Фру Боркман.** Раз или два, кажется.

**Элла Рентхейм.** И я несколько раз видела тебя, мельком. В этом окне.

**Фру Боркман.** Значит, за занавесками. У тебя хорошие глаза. (*Жестко и резко.*) А разговаривали мы в последний раз здесь, в комнате у меня...

**Элла Рентхейм** (*как бы избегая продолжения разговора*). Да, да, помню, Гунхильд!

**Фру Боркман.** За неделю до... до того, как его выпустили.

**Элла Рентхейм** (*делая несколько шагов в глубь комнаты*). Ах, не касайся этого!

**Фру Боркман** (*твердо, но глухо*). За неделю до того, как... директор банка вышел опять на волю.

**Элла Рентхейм** (*делает шаг вперед*). Да, да, да! Мне-то не забыть этого часа! Но слишком тяжело вспоминать об этом... Стоит остановиться мыслью хоть на минуту... О-о!

**Фру Боркман** (*глухо*). А мысли все-таки ничего другого и знать не хотят! (*С. внезапным порывом, всплеснув руками.*) Нет, не понимаю! Никогда в жизни не пойму! Как могло все это, весь этот ужас обрушиться на одну семью! И подумать - на нашу семью! На такую аристократическую семью, как наша! Подумать, что все это должно было обрушиться именно на нее!

**Элла Рентхейм.** О Гунхильд!.. Удар этот обрушился не на одну нашу семью, а и на многие, многие другие.

**Фру Боркман.** Положим. Но мне-то что до этих других? Для них дело шло лишь о потере... ну, каких-то там денег или ценных бумаг... а для нас! Для меня! Для Эрхарта! Он был тогда еще совсем ребенком! (*С возрастающим жаром.*) На нас двоих невинных обрушился стыд! Позор! Безобразный, ужасный позор! И полное разорение вдобавок!

**Элла Рентхейм** (*мягко*). Скажи, Гунхильд... как он переносит это?

**Фру Боркман.** Эрхарт?

**Элла Рентхейм.** Нет, он сам. Как он переносит это?

**Фру Боркман** (*презрительно фыркнув*). Ты думаешь, я справляюсь об этом?

**Элла Рентхейм.** Справляешься? Тебе, я думаю, и справляться не приходится...

**Фру Боркман** (*удивленно глядя на нее*). Да не думаешь же ты, что я вижусь с ним? Встречаюсь с ним? Вообще заглядываю к нему?

**Элла Рентхейм.** Даже не заглядываешь?

**Фру Боркман** (*по-прежнему*). К тому, кто отсидел под замком пять лет!.. (*Закрывает лицо руками.*) О, этот гнетущий стыд! (*С новым порывом.*) И вспомнить только, что значило прежде имя Йуна Габриэля Боркмана! Нет, нет, нет!.. Я не могу его видеть! Ни за что, никогда!

**Элла Рентхейм** (*глядит на нее с минуту*). Ты жестокосердна, Гунхильд.

**Фру Боркман.** По отношению к нему - да!

**Элла Рентхейм.** Он ведь все-таки муж тебе.

**Фру Боркман.** Разве он не сказал на суде, что это я положила начало его разорению? Что это я тратила слишком много?..

**Элла Рентхейм** (*осторожно*). А разве это уж совсем неправда?

**Фру Боркман.** Да не сам ли он желал того? Ставил дом на такую бессмысленно широкую ногу...

**Элла Рентхейм.** Знаю, знаю. Но оттого-то тебе и следовало бы сдерживаться самой. А ты это вряд ли делала.

**Фру Боркман.** Почему же я знала, что он давал мне тратить... не свои деньги? Сам-то он как сорил ими? В десять раз хуже моего!

**Элла Рентхейм** (*сдержанно*). Пожалуй, его положение обязывало. В значительной степени, во всяком случае.

**Фру Боркман** (*презрительно*). Как же, только и речи было что о "представительстве"! Вот он и представительствова... вовсю! Разъезжал на четверке, точно король! Заставлял людей ухаживать за собой, кланяться, расшаркиваться, точно перед королем! (*Смеется.*) Его по всей стране иначе и не называли, как прямо по имени, точно короля: "Йун Габриэль", "Йун Габриэль"! Все отлично знали, что за сила такая Йун Габриэль!

**Элла Рентхейм** (*твердо и горячо*). Он и был тогда силой.

**Фру Боркман.** Да, с виду. Но он никогда ни единым словом не обмолвился мне о настоящем положении дел. Никогда и не заикнулся о том, откуда брались средства.

**Элла Рентхейм.** Да, да... И другие, верно, не подозревали этого.

**Фру Боркман.** Ну и пусть другие. Но мне-то он обязан был говорить правду, А он никогда не говорил!. Все только лгал... лгал мне без конца...

**Элла Рентхейм** (*перебивая*). Едва ли, Гунхильд! Он, может быть, утаивал, но лгать - наверно не лгал.

**Фру Боркман.** Да, да, называй как хочешь. Выходит одно и то же... Но вот и рухнуло все. Все как есть. Все великолепие пошло прахом,

**Элла Рентхейм** (*как бы про себя*). Да, все рухнуло... для него и для других.

**Фру Боркман** (*грозно выпрямляясь*). Но скажу тебе, Элла, я все же не сдамся! Я сумею добиться удовлетворения! Поверь мне!

**Элла Рентхейм** (*напряженно*). Удовлетворения? Что ты хочешь этим сказать?

**Фру Боркман.** Удовлетворения за потерю имени, чести и благосостояния!

Удовлетворения за всю свою исковерканную судьбу, вот что хочу сказать. Знай, у меня есть кое-кто в резерве. Кто-то смоет дочиста всю эту грязь, которою забрызгал нас директор банка.

**Элла Рентхейм.** Гунхильд! Гунхильд!

**Фру Боркман** (с возрастающим жаром). Жив мститель! Он искупит все, в чем грешен передо мной его отец!

**Элла Рентхейм.** Значит, Эрхарт.

**Фру Боркман.** Да, Эрхарт, мой чудесный мальчик! Он сумеет восстановить род, дом, все, что можно восстановить... И может быть, даже больше.

**Элла Рентхейм.** А каким же образом все это совершится, по-твоему?

**Фру Боркман.** Каким придется. Я не знаю, каким именно. Знаю лишь, что это совершится, должно когда-нибудь совершиться. (*Вопросительно глядя на нее.*) Элла... не задавалась ли, в сущности, и ты теми же мыслями с самого детства Эрхарта?

**Элла Рентхейм.** Нет, я, право, не могу сказать этого.

**Фру Боркман.** Нет? Зачем же тогда взяла ты его к себе... когда разразилась буря над... этим домом?

**Элла Рентхейм.** Тебе тогда было ведь не до него, Гунхильд.

**Фру Боркман.** Пожалуй, что так. И отцу тоже... по уважительной причине... Крепко сидел!

**Элла Рентхейм** (*в негодовании*). И ты можешь говорить так! Ты!

**Фру Боркман** (*ядовито*). А ты, ты могла заставить себя взять дитя Йуна Габриэля! Точно это был твой собственный ребенок... Взять его у меня... увезти к себе. И воспитывать год за годом. До тех пор, пока мальчик не стал почти взрослым. (*Подозрительно глядя на нее.*) Почему, собственно, ты поступила так, Элла? Зачем держала его у себя?

**Элла Рентхейм.** Я так полюбила его...

**Фру Боркман.** Больше, чем я, его мать!

**Элла Рентхейм** (*уклончиво*). Не знаю... К тому же Эрхарт в детстве был таким слабеньким.

**Фру Боркман.** Эрхарт - слабеньким!

**Элла Рентхейм.** Да, во всяком случае, мне так казалось... тогда. А ты ведь знаешь, климат там, на западном берегу, гораздо мягче здешнего.

**Фру Боркман** (*с горькой усмешкой*), Гм! Будто? (*Переменив тон.*) Да, ты в самом деле ужасно много сделала для Эрхарта. (*Опять меняя тон.*) Конечно, у тебя были средства на это. (*Улыбаясь.*) Тебе-то повезло, Элла: удалось спасти все, что было у тебя.

**Элла Рентхейм** (*видимо, задетая*). Я шагу не сделала для этого, могу тебя уверить. Я долго-долго и не подозревала даже, что положенные на мое имя бумаги... остались нетронутыми...

**Фру Боркман**. Да, да. Я в этих делах ничего не понимаю. Говорю только, что тебе повезло. (*Вопросительно глядя на нее*.) Но с чего все-таки ты сразу взяла на себя воспитание Эрхарта? Что у тебя было на уме?

**Элла Рентхейм** (*глядя на нее*). На уме?

**Фру Боркман**. Да. Верно, была же у тебя какая-нибудь цель. Что ты собиралась делать с ним? То есть сделать из него?

**Элла Рентхейм** (*медленно*). Я хотела облегчить ему возможность стать счастливым человеком.

**Фру Боркман** (*презрительно*). Э! Людям в нашем положении не до счастья; есть другая цель жизни.

**Элла Рентхейм**. Какая же, по-твоему?

**Фру Боркман** (*серьезно, гордо глядя на нее*). Эрхарт прежде всего должен стремиться к тому, чтобы подняться так высоко в глазах людей, окружить свое имя таким ореолом, чтобы никто не замечал больше ни пятнышка той тени, которую его отец бросил на меня и на моего сына.

**Элла Рентхейм** (*пытливо*). Скажи, Гунхильд, в этом ли видит цель своей жизни сам Эрхарт?

**Фру Боркман** (*пораженная*). Можно бы, пожалуй, надеяться!

**Элла Рентхейм**. Не ты ли скорее ставишь ему такую цель?

**Фру Боркман** (*резко*). Мы с Эрхартом всегда ставим себе одни цели.

**Элла Рентхейм** (*медленно, с усилием*). Значит, ты так уверена в своем сыне, Гунхильд?

**Фру Боркман** (*со сдержанным торжеством*). Да, слава богу, уверена. Можешь быть спокойна!

**Элла Рентхейм**. Тогда, мне кажется, ты должна, в сущности, считать себя счастливой. Несмотря на все остальное.

**Фру Боркман**. Так оно и есть. С одной стороны. Но зато... все остальное, видишь ли, постоянно висит надо мною, как туча.

**Элла Рентхейм** (*меняя тон*). Скажи мне - и лучше прямо, сразу. Я ведь для этого, собственно, и приехала к тебе...

**Фру Боркман**. Для чего?

**Элла Рентхейм.** Поговорить с тобою об одном деле. Скажи мне... Эрхарт ведь не живет здесь, с вами?

**Фру Боркман** (*жестко*). Эрхарт не может жить здесь, со мною. Ему надо жить в городе...

**Элла Рентхейм.** Он мне писал об этом.

**Фру Боркман.** Ему надо учиться. Но он каждый вечер навещает меня на часок.

**Элла Рентхейм.** Так нельзя ли мне повидаться и поговорить с ним сейчас же?

**Фру Боркман.** Его еще нет. Но я жду его с минуты на минуту.

**Элла Рентхейм.** Нет, Гунхильд, он, наверно, приехал. Я слышу его шаги наверху.

**Фру Боркман** (*окинув ее быстрым взглядом*). Наверху, в зале?

**Элла Рентхейм.** Да. Я, как пришла, все время слышу его шаги.

**Фру Боркман** (*отводя глаза в сторону*). Это не он, Элла.

**Элла Рентхейм** (*пораженная*). Не Эрхарт?.. (*Догадываясь.*) Кто же тогда?..

**Фру Боркман.** Директор банка.

**Элла Рентхейм** (*тихо, как бы преодолевая боль*). Боркман... Йун Габриэль Боркман!

**Фру Боркман.** Так он и ходит - взад и вперед, взад и вперед - с утра до вечера. День за днем.

**Элла Рентхейм.** Я, правда, слышала кое-что...

**Фру Боркман.** Еще бы! О нас, верно, ходит немало разных слухов.

**Элла Рентхейм.** Слышала от Эрхарта. Он писал, что отец все уединяется, сидит большею частью у себя наверху. А ты у себя внизу.

**Фру Боркман.** Да... так мы и живем, Элла. С тех самых пор, как его выпустили. И прислали сюда ко мне... Все эти восемь долгих лет.

**Элла Рентхейм.** Но я никогда не думала, что это может быть так на самом деле. Чтобы это было возможно!..

**Фру Боркман** (*кивая*). Но это так. И быть не может иначе. Никогда.

**Элла Рентхейм** (*глядя на нее*). Да ведь это, должно быть, ужасная жизнь, Гунхильд!

**Фру Боркман.** Более чем ужасная. Скоро и не под силу будет.

**Элла Рентхейм.** Вполне понимаю.

**Фру Боркман.** Вечно слышать его шаги наверху! С раннего утра до поздней ночи... И как

гулко они отдаются здесь!

**Элла Рентхейм.** Да, очень гулко.

**Фру Боркман.** Часто мне чудится, что там, надо мной, расхаживает в клетке большой волк. Прямо у меня над головой. (*Прислушивается и шепчет.*) Послушай только! Послушай! Взад и вперед... взад и вперед ходит волк.

**Элла Рентхейм** (*осторожно*). А разве нельзя было бы устроиться по-другому, Гунхильд?

**Фру Боркман** (*строптиво*). Он никогда и шагу не сделал для этого.

**Элла Рентхейм.** А не могла ли бы ты сама сделать этот первый шаг?

**Фру Боркман** (*запальчиво*). Я? После того, как он причинил мне столько зла?... Нет, спасибо! Пусть лучше волк мечется там, наверху, без устали.

**Элла Рентхейм.** Однако мне стало слишком жарко. Уж позволь мне все-таки снять пальто.

**Фру Боркман.** Я ведь предлагала уже.

**Элла Рентхейм** (*снимает пальто и шляпу и кладет их на стул у входных дверей*). Тебе никогда не случается встретить его и вне дома?

**Фру Боркман** (*с горьким смехом*). В обществе, что ли?

**Элла Рентхейм.** Нет, я полагала, когда он выходит на воздух. На лесной тропинке или...

**Фру Боркман.** Директор банка никогда не выходит из дому.

**Элла Рентхейм.** Даже в сумерки?

**Фру Боркман.** Никогда.

**Элла Рентхейм** (*взволнованно*). Не может решиться?

**Фру Боркман.** Должно быть. Его плащ и шляпа висят в стенном шкафу. В передней, знаешь...

**Элла Рентхейм** (*как бы про себя*). В том шкафу, куда мы прятались, бывало, детьми...

**Фру Боркман** (*кивая головой*). Иногда - поздним вечером - я слышу, он спускается, чтобы одеться и выйти. Но на половине лестницы обыкновенно останавливается... и поворачивает назад. Опять к себе наверх, в залу.

**Элла Рентхейм** (*тихо*). И к нему никогда не заходит никто из старых друзей?

**Фру Боркман.** У него нет старых друзей.

**Элла Рентхейм.** Однако у него было много друзей... когда-то.



**Фру Боркман.** Гм! Он так хорошо позаботился отделаться от них. Дорого обошелся своим друзьям Йун Габриэль!

**Элла Рентхейм** *(со вздохом)*. Да, ты, пожалуй, права, Гунхильд.

**Фру Боркман** *(с жаром)*. Впрочем, я должна сказать, что это подло, низко, гадко, мелочно с их стороны так раздувать ту ничтожную потерю, которую они, быть может, понесли из-за него. Денежная потеря - и больше ничего.

**Элла Рентхейм** *(не отвечая ей)*. И вот он живет там, наверху, один-одинешенек. В полном одиночестве.

**Фру Боркман.** Вероятно, так. Говорят, впрочем, к нему заходит какой-то старик конторщик или переписчик.

**Элла Рентхейм.** Вот как! Так это, должно быть, Фулдал. Я знаю, они были товарищами в молодости.

**Фру Боркман.** Кажется. Я его, впрочем, не знаю. Он никогда не принадлежал к нашему кругу, - в те времена, когда у нас был свой круг...

**Элла Рентхейм.** Но теперь он, значит, бывает у Боркмана?

**Фру Боркман.** Да, он настолько неразборчив. Но, само собой, лишь по вечерам, когда стемнеет.

**Элла Рентхейм.** Этот Фулдал - он тоже ведь пострадал, когда банк лопнул.

**Фру Боркман** *(небрежно)*. Да, насколько помнится, и он потерял что-то. Конечно, сущую безделицу.

**Элла Рентхейм** *(с легким ударением)*. Все, что у него было.

**Фру Боркман** *(усмехаясь)*. Ну, боже мой, было-то у него, наверно, так мало, что тут и говорить не о чем.

**Элла Рентхейм,** Об этом и не было разговора - со стороны Фулдала - во время процесса.

**Фру Боркман.** Да и, кроме того, я могу сказать тебе, что Эрхарт с избытком вознаградил его за пустячную потерю.

**Элла Рентхейм** *(удивленно)*. Эрхарт? Как же он мог?

**Фру Боркман.** Он занялся младшей дочерью Фулдала. Давал ей уроки... так что она, пожалуй, выйдет в люди и будет со временем сама зарабатывать себе на хлеб. Это, конечно, куда больше, чем мог бы сделать для нее отец.

**Элла Рентхейм.** Да, он-то, кажется, в очень стесненном положении.

**Фру Боркман.** И потом, Эрхарт доставил ей возможность учиться музыке. Теперь она уже сделала такие успехи, что может приходить сюда... к тому, наверх... играть ему там.

**Элла Рентхейм.** Так он по-прежнему любит музыку?

**Фру Боркман.** Вероятно. У него ведь стоит то пианино, которое ты прислала... когда ждали его домой.

**Элла Рентхейм.** Она на этом пианино и играет ему?

**Фру Боркман.** Да, иногда. По вечерам. И это все Эрхарт устроил.

**Элла Рентхейм.** Так бедной девушке приходится шагать сюда, такую даль, из города? И потом опять назад домой?

**Фру Боркман.** Нет, Эрхарт устроил ее тут по соседству, у одной дамы... У некоей фру Вильтон!

**Элла Рентхейм** (*с живостью*). Фру Вильтон!

**Фру Боркман.** Это очень богатая дама. Ты ее не знаешь.

**Элла Рентхейм.** Имя знакомое. Фру Фанни Вильтон, если не ошибаюсь?

**Фру Боркман.** Именно.

**Элла Рентхейм.** Эрхарт не раз писал о ней... Разве она живет теперь здесь, за городом?

**Фру Боркман.** Да, она наняла себе тут особнячок. И недавно переехала сюда из города.

**Элла Рентхейм** (*медленно, как бы обдумывая*). Говорят, она в разводе с мужем.

**Фру Боркман.** Муж ее, кажется, давно уже умер.

**Элла Рентхейм.** Да, но они были в разводе... Он потребовал развода...

**Фру Боркман.** Он бросил ее. Насколько я знаю, вина была не ее.

**Элла Рентхейм.** Ты с ней знакома, Гунхильд?

**Фру Боркман.** Так, немножко. Она живет ведь тут по соседству. Иногда заходит ко мне.

**Элла Рентхейм.** И она тебе, пожалуй, нравится?

**Фру Боркман.** Она необыкновенно чуткая. И поразительно здраво судит.

**Элла Рентхейм.** То есть о людях?

**Фру Боркман.** Да, главным образом о людях. Эрхарта она прямо изучила... вдоль и поперек... насквозь. И поэтому, понятно, обожает его.

**Элла Рентхейм** (*пытливо*). Так она, пожалуй, больше знакома с Эрхартом, чем с тобой?

**Фру Боркман.** Эрхарт очень часто встречался с нею в городе, пока она еще не переехала сюда.

**Элла Рентхейм** (*невольно*). И все-таки она переехала?

**Фру Боркман** (*пораженная, пронизывает ее взглядом*). Все-таки? Что ты хочешь этим сказать?

**Элла Рентхейм** (*уклончиво*). Ну, боже мой... что я хочу?

**Фру Боркман**. Ты сказала это как-то особенно. Ты недаром сказала это, Элла!

**Элла Рентхейм** (*глядя ей прямо в глаза*). Да, Гунхильд, я действительно недаром сказала это.

**Фру Боркман**. Так скажи прямо!

**Элла Рентхейм**. Начну с того, что, по-моему, я также имею некоторые права на Эрхарта. Или, может быть, по-твоему, нет?

**Фру Боркман** (*глядя в сторону*). Помилуй! Ты столько на него потратила, что...

**Элла Рентхейм**. О, совсем не потому, Гунхильд. Но потому, что я люблю его...

**Фру Боркман** (*с презрительной усмешкой*). Моего сына? И ты можешь? Ты? Несмотря ни на что?

**Элла Рентхейм**. Могу. Несмотря ни на что. И люблю. Люблю Эрхарта так, как только вообще могу любить человека... теперь... в мои годы.

**Фру Боркман**. Ну да, да! Пусть так. Но...

**Элла Рентхейм**. Потому-то я так и волнуюсь, когда вижу, что ему грозит опасность.

**Фру Боркман**. Опасность! Эрхарту! Но что угрожает ему? Или с чьей стороны?

**Элла Рентхейм**. Прежде всего, пожалуй, с твоей... в известном смысле...

**Фру Боркман** (*порывисто*). С моей!

**Элла Рентхейм**. И потом со стороны этой фру Вильтон, - ее я тоже опасаясь.

**Фру Боркман** (*смотрит на нее с минуту, не в силах вымолвить слова*). И ты можешь думать что-либо подобное об Эрхарте! О моем сыне! Когда у него такая великая миссия!

**Элла Рентхейм** (*небрежно*). Ну, какая там миссия!..

**Фру Боркман** (*вспылив*). И ты смеешь говорить это так презрительно!

**Элла Рентхейм**. Да неужели, по-твоему, такой юноша, как Эрхарт, здоровый, жизнерадостный, - в его годы станет жертвовать собою... ради какой-то там "миссии"!

**Фру Боркман** (*уверенно*). Да! Эрхарт так и делает! Я твердо знаю!

**Элла Рентхейм** (*качая головой*). И не знаешь ты этого, и не веришь этому, Гунхильд.

**Фру Боркман**. Я не верю?!

**Элла Рентхейм**. Все это одни твои мечты. Не будь их у тебя, тебе уж не за что было бы ухватиться, а тогда - ты это чувствуешь - тебе осталось бы одно: отчаяние.

**Фру Боркман**. Да, только отчаяние. (*Горячо.*) И пожалуй, этого-то тебе больше всего и хотелось бы, Элла!

**Элла Рентхейм** (*с высоко поднятой головой*). Да, уж лучше бы так... раз ты можешь спасти себя от отчаяния, только загубив жизнь Эрхарта.

**Фру Боркман** (*угрожающе*). Ты хочешь встать между нами! Между матерью и сыном! Ты!

**Элла Рентхейм**. Я хочу высвободить его из-под твоей власти... из-под твоего гнета, твоего ига!

**Фру Боркман** (*торжествующим тоном*). Тебе этого больше не удастся! Он был в твоих сетях... до пятнадцати лет. Но с тех пор я сумела завоевать его!

**Элла Рентхейм**. Так я снова отвоюю его у тебя! (*Хрипло, почти шепотом.*) У нас с тобой уже шла раз борьба - не на жизнь, а на смерть - из-за одного человека, Гунхильд!

**Фру Боркман** (*глядя на нее свысока*). И я победила!

**Элла Рентхейм** (*презрительно улыбаясь*). Тебе все еще кажется, что ты выиграла от этой победы?

**Фру Боркман** (*угрюмо*). Нет... Ты права... страшно права.

**Элла Рентхейм**. Не выиграешь ты и на этот раз.

**Фру Боркман**. Не выиграю, сохранив материнскую власть над Эрхартом?!

**Элла Рентхейм**. Нет. Потому что ты добиваешься только власти над ним.

**Фру Боркман**. А ты?

**Элла Рентхейм** (*с чувством*). Мне нужна его привязанность, его любящее сердце... его душа!..

**Фру Боркман** (*порывисто*). Больше тебе этого не добиться никогда в жизни!

**Элла Рентхейм** (*глядя ей в глаза*). Ты, может быть, постаралась об этом?

**Фру Боркман** (*с улыбкой*). Да, я действительно позволила себе это сделать. А ты не вычитала этого из его писем?

**Элла Рентхейм** (*медленно кивая*). Да, под конец все его письма были полны тобою.

**Фру Боркман** (*поддразнивая*). Я не потеряла даром этих восьми лет... когда он опять был под моим надзором.

**Элла Рентхейм** (*овладев собою*). Что же ты наговорила Эрхарту обо мне? Можешь ли ты, по крайней мере, признаться мне?

**Фру Боркман**. Отлично могу.

**Элла Рентхейм**. Так признайся!

**Фру Боркман**. Я говорила ему одну правду.

**Элла Рентхейм**. Ну?

**Фру Боркман**. Я то и дело твердила Эрхарту: пусть он не забывает, что тебе мы обязаны тем, что можем жить так, как живем, что вообще можем существовать!

**Элла Рентхейм**. Только-то!

**Фру Боркман**. О, такое напоминание уязвляет. Я по себе знаю.

**Элла Рентхейм**. Да ведь в этом, в сущности, было мало нового для Эрхарта.

**Фру Боркман**. Когда он вернулся ко мне от тебя, он воображал, что ты делала все это из доброты сердечной. (*Злорадно глядя на нее.*) Теперь он этого больше не думает, Элла.

**Элла Рентхейм**. Что же он думает теперь?

**Фру Боркман**. То, что следует думать. Я спросила его, как он объясняет себе, почему тетя Элла никогда не приедет навестить нас...

**Элла Рентхейм** (*перебивая*). Он прежде знал почему.

**Фру Боркман**. Теперь он знает лучше. Ты вбивала ему в голову, что щадишь меня... и его... того, кто расхаживает там, наверху...

**Элла Рентхейм**. Так оно и было.

**Фру Боркман**. Теперь Эрхарт не верит этому ни на волос.

**Элла Рентхейм**. Что же ты внушила ему?

**Фру Боркман**. Правду. Что ты стыдишься нас... презираешь нас. Разве это не так? Разве ты не замышляла когда-то совсем отнять у меня сына? Подумай-ка! Верно, вспомнишь!

**Элла Рентхейм** (*уклончиво*). Это было в самое тяжелое время... в разгар скандала... когда дело разбиралось в суде... Теперь я не думаю об этом больше.

**Фру Боркман**. Да и напрасно было бы. А то... что случилось бы с его миссией! Нет, спасибо тебе! Эрхарт нуждается во мне, а не в тебе. И он теперь все равно что умер для тебя! И ты для него!

**Элла Рентхейм** (*холодно, решительно*). Посмотрим. Теперь я останусь здесь.

**Фру Боркман** (*впиваясь в нее взглядом*). Здесь, в доме?

**Элла Рентхейм**. Да.

**Фру Боркман**. Здесь... с нами? На всю ночь?

**Элла Рентхейм**. На весь остаток моей жизни, если это понадобится.

**Фру Боркман** (*овладев собой*). Что ж, дом ведь твой, Элла.

**Элла Рентхейм**. О, полно!

**Фру Боркман**. Все здесь твое. Стул, на котором я сижу, - твой. Кровать, на которой я ворочаюсь ночью без сна, - твоя. И едим мы твой хлеб.

**Элла Рентхейм**. Другого выхода нет. У Боркмана не может быть собственности. Ее сейчас же отобрали бы.

**Фру Боркман**. Знаю, знаю. Нам приходится мириться с тем, что мы живы лишь твоей милостью и состраданием.

**Элла Рентхейм** (*холодно*). Не в моей власти помешать тебе смотреть на дело с такой точки зрения, Гунхильд.

**Фру Боркман**. Конечно, не в твоей... Когда же тебе угодно, чтобы мы перебрались отсюда?

**Элла Рентхейм** (*глядя на нее*). Перебрались отсюда?

**Фру Боркман** (*возбужденно*). Да не воображаешь же ты, что я останусь жить тут под одной кровлей с тобой!.. Нет, лучше в богадельню, лучше на улицу!

**Элла Рентхейм**. Хорошо. Так отпусти со мной Эрхарта...

**Фру Боркман**. Эрхарта! Моего сына! Мое родное дитя!

**Элла Рентхейм**. Да. Тогда я сейчас же уеду обратно.

**Фру Боркман** (*после некоторого раздумья, твердо*). Пусть же Эрхарт сам выберет между нами.

**Элла Рентхейм** (*недоверчиво смотрит на нее*). Пусть сам выберет? И у тебя хватит смелости, Гунхильд?

**Фру Боркман** (*с жестким смехом*). Хватит ли у меня смелости! Предложить своему сыну выбор между матерью и тобой! Разумеется, хватит!

**Элла Рентхейм** (*прислушивается*). Идет кто-то. Кажется, я слышу...

**Фру Боркман**. Так это, верно, Эрхарт...

*Раздается громкий стук в дверь, и затем, не дожидаясь приглашения, входит, смело распахивая дверь, фру Вильтон, нарядно одетая, в пальто и в шляпе. За нею смущенно следует горничная, не успевшая предупредить о приходе гостыи. Дверь остается полуотворенной. Фру Вильтон - поразительно красивая, пышная брюнетка лет тридцати; полные, румяные, улыбающиеся губы, густые темные волосы и живые, блестящие глаза.*

**Фру Вильтон.** Здравствуйте, дорогая фру Боркман!

**Фру Боркман** (суховато). Здравствуйте, фру Вильтон! (Горничной, указывая на веранду.) Возьмите туда лампу и зажгите.

*Горничная берет лампу и уходит.*

**Фру Вильтон** (заметив Эллу). Ах, извините! У вас гости...

**Фру Боркман.** Нет, это сестра моя... проездом.

*Входная дверь растворяется настежь, и вбегает Эрхарт Боркман, молодой человек с веселым, открытым взглядом и чуть пробивающимися усиками; одет элегантно.*

**Эрхарт** (сияя от радости, еще с порога). Как! Тетя Элла приехала? (Подбегая к ней и хватая ее за руки.) Тетя! Тетя! Неужели? Ты здесь!

**Элла Рентхейм** (обвивая руками его шею). Эрхарт! Мой милый, дорогой мальчик! Какой ты стал большой! Как я рада, как я рада свидеться с тобой!

**Фру Боркман** (резко). Что это значит, Эрхарт? Ты прятался в передней?

**Фру Вильтон** (поспешно). Эрхарт... Боркман пришел вместе со мною.

**Фру Боркман** (смерив его взглядом). Вот как, Эрхарт! Так ты не к матери первой спешишь?

**Эрхарт.** Мне надо было зайти к фру Вильтон... за Фридой.

**Фру Боркман.** Так и эта фрекен Фулдал с вами?

**Фру Вильтон.** Да, она осталась в передней.

**Эрхарт** (говорит в дверь). Ступайте себе наверх, Фрида.

*Пауза. Элла Рентхейм наблюдает за Эрхартом. Он кажется смущенным и обнаруживает признаки нетерпения. Лицо его принимает напряженное и несколько холодное выражение. Горничная вносит зажженную лампу, ставит ее на веранде и уходит, притворяя за собой дверь.*

**Фру Боркман** (принужденно вежливо). Ну, фру Вильтон, если вы собрались провести с нами вечерок, то...

**Фру Вильтон.** Нет, благодарю, благодарю вас, дорогая фру Боркман. Я не думала вовсе.

Мы уже приглашены сегодня. К адвокату Хинкелю.

**Фру Боркман** (*смотрит на нее*). Мы? То есть кто это мы?

**Фру Вильтон** (*смеясь*). Ну, конечно, собственно, только я. Но все дамы так просили меня привести с собою и студента Боркмана... если я случайно увижу его.

**Фру Боркман**. И как я вижу, так оно и случилось.

**Фру Вильтон**. Да, к счастью. Он был так любезен забежать ко мне за Фридой.

**Фру Боркман** (*сухо*). А я и не знала, Эрхарт, что ты знаком с этим семейством... Хинкелей.

**Эрхарт** (*с досадой*). Да я, в сущности, и не знаком. (*С оттенком нетерпения.*) Ты, кажется, сама лучше знаешь, мама, с кем я знаком и с кем не знаком.

**Фру Вильтон**. Ну вот! С этим семейством недолго свести знакомство. Такие веселые, радушные люди. Полон дом молодых дам!..

**Фру Боркман** (*многозначительно*). Насколько я знаю своего сына, подобное общество, в сущности, не для него, фру Вильтон.

**Фру Вильтон**. Но, боже мой, дорогая фру Боркман, он ведь тоже молод!

**Фру Боркман**. К счастью. Иначе было бы плохо.

**Эрхарт**. Да, да, да, мама!.. Разумеется, я не пойду сегодня к этим Хинкелям. Я, конечно, останусь с тобой и с тетей Эллой.

**Фру Боркман**. Я так и знала, милый Эрхарт.

**Элла Рентхейм**. Нет, Эрхарт!.. Пожалуйста, не стесняйся из-за меня...

**Эрхарт**. Нет, конечно, дорогая тетя! Об этом и разговора быть не может. (*Нерешительно глядя на фру Вильтон.*) Но только как же это уладить? Удобно ли будет? Вы ведь обещали за меня?

**Фру Вильтон** (*весело*). Пустяки! Что тут неловкого? Когда я войду в их празднично освещенные комнаты... одна-одинешенька... подумайте!.. я откажусь за вас.

**Эрхарт** (*медленно*). Да, если вы полагаете, что это можно, то...

**Фру Вильтон** (*развязно-весело*). О, я столько раз и обещала, и отказывалась... за себя лично... А разве вам можно оставить свою тетушку, когда она только что приехала? Фи, Эрхарт, разве так ведут себя добрые сыновья?

**Фру Боркман** (*задетая за живое*). Сыновья!

**Фру Вильтон**. Ну, приемные сыновья, фру Боркман.

**Фру Боркман**. Да, это нелишне было бы прибавить.



**Фру Вильтон.** А по-моему, к хорошей приемной матери питаешь еще больше благодарности, чем к родной.

**Фру Боркман.** Вы по себе это знаете?

**Фру Вильтон.** О, боже мой, нет! Родную свою мать я знала очень мало. Но будь и у меня такая хорошая приемная мать, я, может быть, не вышла бы такой... такой непутевой особой, какой меня люди ославили. *(Оборачиваясь к Эрхарту.)* Итак, будьте умницей, оставайтесь с мамашей и тетей пить чай, господин студент! *(Дамам.)* Прощайте, дорогая фру Боркман! Прощайте, фрекен!

*Дамы молча отвечают на ее поклон, и она направляется к дверям.*

**Эрхарт** *(идя за ней)*. Не проводить ли мне вас немножко?..

**Фру Вильтон** *(уже в дверях, делая отстраняющий жест)*. Ни шагу! Я отлично привыкла ходить одна. *(Остановившаяся на пороге и кивая ему.)* Но предупреждаю вас теперь, господин студент, берегитесь!

**Эрхарт.** Чего же мне надо беречься?

**Фру Вильтон** *(веселым тоном)*. А я вот, как останусь на дороге... одна-одинешенька... возьму да и начну вас привораживать.

**Эрхарт** *(смеясь)*. Вот как! Вы опять за то же.

**Фру Вильтон** *(полушутя, полусерьезно)*. Да, берегитесь!.. Как стану спускаться под гору, возьму да и скажу про себя, - всю свою силу воли соберу и скажу: студент Эрхарт Боркман, берите вашу шляпу!

**Фру Боркман.** И он возьмет ее, по-вашему?

**Фру Вильтон** *(смеясь)*. Еще бы! Мигом схватит. А затем скажу: извольте надеть пальто, Эрхарт Боркман! И калоши! Смотрите, не забудьте калоши! И марш за мною! Слушайте, слушайте, слушайте!

**Эрхарт** *(с принужденной веселостью)*. Как же, дожидайтесь!

**Фру Вильтон** *(поднимая указательный палец)*. Слушайте, слушайте!.. Спокойной ночи! *(Со смехом кивает дамам и закрывает за собой дверь.)*

**Фру Боркман.** Что она, в самом деле способна на такие штуки?

**Эрхарт.** Полно. Как ты можешь думать? Так, шутка, и больше ничего. *(Обрывая.)* Но будет нам говорить теперь о фру Вильтон. *(Усаживает Эллу в кресло у печки и с минуту молча глядит на нее.)* Нет, как ты могла пуститься в такой дальний путь, тетя Элла! И еще зимой!

**Элла Рентхейм.** В конце концов это стало необходимо, Эрхарт.

**Эрхарт.** Да? Почему же?

**Элла Рентхейм.** Надо было посоветоваться здесь с докторами.

**Эрхарт.** Ну, вот и отлично.

**Элла Рентхейм.** Тебе кажется, что это отлично?

**Эрхарт.** Что ты наконец решилась на это, хочу я сказать.

**Фру Боркман** (*сидя на канapé, холодным тоном*). Ты больна, Элла?

**Элла Рентхейм** (*строго глядя на нее*). Ты же знаешь, что я больна.

**Фру Боркман.** То есть слаба здоровьем... с давних пор.

**Эрхарт.** Я, когда жил у тебя, часто говорил, что тебе надо бы посоветоваться с докторами.

**Элла Рентхейм.** Там у нас я никому из докторов не доверяю особенно. К тому же тогда я чувствовала себя еще не так плохо.

**Эрхарт.** А теперь тебе разве хуже, тетя?

**Элла Рентхейм.** Да, мой мальчик. Теперь хуже.

**Эрхарт.** Но ведь нет ничего опасного?

**Элла Рентхейм.** Как взглянуть на дело.

**Эрхарт** (*живо*). Ты знаешь что, тетя Элла? В таком случае тебе нельзя так скоро уезжать назад, домой.

**Элла Рентхейм.** Я, пожалуй, и не уеду.

**Эрхарт.** Тебе надо пожить у нас в городе. Тут к твоим услугам лучшие врачи. Выбирай только.

**Элла Рентхейм.** Я на это и рассчитывала, выезжая сюда.

**Эрхарт.** И тебе надо подыскать себе помещение получше... какой-нибудь уютный, тихий пансион.

**Элла Рентхейм.** Я остановилась сегодня в старом, где жила прежде-.

**Эрхарт.** Ну вот, там тебе будет хорошо, уютно.

**Элла Рентхейм.** Но я там не останусь все-таки.

**Эрхарт.** Да? Почему так?

**Элла Рентхейм.** Я переменила намерение, когда приехала сюда.

**Эрхарт** (*удивленно*). Вот?.. Переменила?..

**Фру Боркман** (*вяжет, не глядя на них*). Тетка твоя решила жить здесь, в собственной усадьбе, Эрхарт.

**Эрхарт** (*глядя то на одну, то на другую*). Здесь? У нас! С нами... Правда, тетя?

**Элла Рентхейм**. Да, теперь я так решила.

**Фру Боркман** (*по-прежнему*). Все здесь принадлежит ведь твоей тетке, как ты знаешь.

**Элла Рентхейм**. Так вот, я остаюсь здесь, Эрхарт. Пока. А там видно будет. Я устроюсь отдельно. Во флигеле управляющего...

**Эрхарт**. Так, так. Там для тебя всегда готовы комнаты. (*Внезапно, с живостью.*) Но ты, должно быть, сильно устала с дороги, тетя?

**Элла Рентхейм**. Да, немножко устала, конечно.

**Эрхарт**. Так, мне кажется, тебе надо лечь спать пораньше.

**Элла Рентхейм** (*улыбаясь, смотрит на него*). Я так и сделаю.

**Эрхарт** (*живо*). Мы можем ведь наговориться досыта и завтра... или в другой раз. Обо всем, обо всем. Все трое. Ты, мама и я. Не лучше ли будет так, тетя Элла?

**Фру Боркман** (*порывисто встает с канapé*). Эрхарт! Я вижу, ты хочешь уйти от меня!

**Эрхарт** (*вздвогнув*). То есть... как?

**Фру Боркман**. Ты хочешь уйти... к адвокату Хинкелю!

**Эрхарт** (*невольно*). Ах, вот что! (*Спохватившись.*) А неужели, по-твоему, лучше не давать тете Элле спать до поздней ночи? Она ведь больна, мама! Подумай!

**Фру Боркман**. Тебя тянет к Хинкелям, Эрхарт!

**Эрхарт** (*с нетерпением*). Но, мама... право, мне кажется, неловко не пойти!.. А ты что скажешь, тетя?

**Элла Рентхейм**. Тебе лучше всего быть совершенно свободным в своих поступках, Эрхарт.

**Фру Боркман** (*угрожающе обращается к ней*). Ты хочешь разлучить его со мной!

**Элла Рентхейм** (*встает*). Ах, если б я только могла, Гунхильд!

*Наверху слышна музыка.*

**Эрхарт** (*ежась, точно от боли*). Нет, это невыносимо! (*Озирается.*) Где моя шляпа? (*Элле.*) Ты знаешь эту вещь, которую играют там, наверху?

**Элла Рентхейм**. Нет. Что это за вещь?

**Эрхарт.** "Danse macabre". "Пляска смерти". Ты не знаешь "Пляски смерти", тетя?

**Элла Рентхейм** (*со скорбной улыбкой*). Нет еще, Эрхарт.

**Эрхарт** (*матери*). Мама... я прошу тебя... очень прошу... позволь мне пойти!

**Фру Боркман** (*сурово смотрит на него*). Оставить мать! И ты хочешь?

**Эрхарт.** Я же возвращусь... может быть, завтра!

**Фру Боркман** (*страстно, взволнованно*). Ты хочешь уйти от меня! Тебя тянет к чужим! Да еще к кому... к кому!.. Нет, и думать не хочу!

**Эрхарт.** Там теперь так светло! Столько огней! Столько молодых, веселых лиц! Там музыка, мама!

**Фру Боркман** (*указывая на потолок*). Здесь, наверху, тоже музыка, Эрхарт.

**Эрхарт.** Да, именно эта музыка здесь - она и гонит меня из дому.

**Элла Рентхейм.** Ты не радуешься, что твоему отцу удастся хоть немножко забыться?

**Эрхарт.** Нет, радуюсь, от всей души радуюсь. Только бы меня не заставляли слушать!

**Фру Боркман** (*внушительно*). Соберись с силами, Эрхарт! Крепись, мой мальчик! Не забывай своей великой миссии!

**Эрхарт.** Ах, мама, оставь эти фразы! Я не гожусь в миссионеры!.. Спокойной ночи, милая тетя! Спокойной ночи, мама! (*Быстро уходит в переднюю.*)

**Фру Боркман** (*после короткого молчания*). Пожалуй, все-таки ты скоро опять приберешь его к рукам, Элла.

**Элла Рентхейм.** Ах, если бы я могла надеяться!

**Фру Боркман.** Но тебе не удержать его надолго, увидишь!

**Элла Рентхейм.** Что же, ты помешаешь?

**Фру Боркман.** Я или та, другая.

**Элла Рентхейм.** Так лучше она, чем ты.

**Фру Боркман** (*медленно кивая*). Я это понимаю. И скажу то же самое: лучше она, чем ты.

**Элла Рентхейм.** Куда бы это в конце концов ни привело его?..

**Фру Боркман.** Да, и это почти безразлично... по-моему.

**Элла Рентхейм** (*перекидывая пальто через руку*). В первый раз в жизни мы, сестры-близнецы, одного мнения... Спокойной ночи, Гунхильд. (*Уходит в переднюю.*)

*Музыка доносится еще явственнее.*

**Фру Боркман** (*стоит с минуту неподвижно, затем вздрагивает, съеживается и невольно шепчет*). Опять волк завыл... больной волк. (*Стоит с минуту и вдруг бросается ничком на ковер, ломает руки и с отчаянием шепчет*.) Эрхарт, Эрхарт!.. Будь верен мне! Вернись и помоги своей матери! Не то мне не вынести больше этой жизни!

## Действие второе

*Большая, некогда парадная зала в рентхеймовском доме. Стены обиты старинными выцветшими гобеленами, изображающими охотничьи сцены и пастушков и пастушек. У стены налево пианино, подальше двустворчатые двери. В левом углу задней стены дверь под обои. У стены направо, посередине, большой резной дубовый письменный стол, на котором разложено множество книг и бумаг. У той же стены, впереди, диван, стол и стулья. Вся мебель в строго выдержанном стиле ампира<sup>52</sup>. На столах горят лампы. Йун Габриэль Боркман, заложив руки за спину; стоит у пианино и слушает игру Фриды Фулдал, которая доигрывает последние такты "Dense tenebre". Боркман среднего роста, крепко сложенный мужчина. Ему лет под шестьдесят; важная осанка, тонко очерченный профиль, пронизывающий взгляд, курчавые волосы и борода подернуты сильной проседью. Одет в черный, не совсем модного покроя костюм, носит белый галстук. Фрида Фулдал - хорошенькая бледная девушка лет пятнадцати, с несколько усталым и напряженным выражением лица. Скромное светлое платье. Музыка кончается. Молчание.*

**Боркман.** Можете догадаться, где я в первый раз слышал подобные звуки?

**Фрида** (*взглянув на него*). Нет, господин Боркман.

**Боркман.** В рудниках.

**Фрида** (*в недоумении*). Да? В рудниках?

**Боркман.** Я сын рудокопа, как вы, верно, знаете. Или, может быть, вы не знаете этого?

**Фрида.** Нет, господин Боркман.

**Боркман.** Сын рудокопа. И отец брал меня иногда с собою в рудники... Там, в глубине, поет руда.

**Фрида.** Вот как? Поет?

**Боркман** (*кивая*). Когда освобождается. Освобождают ее удары молотов. Как полночные колокола, бьют и освобождают ее. И вот руда поет... от радости... Поет по-своему.

**Фрида.** Отчего же это так, господин Боркман?

**Боркман.** Ей хочется на свет дневной, служить людям. (*Ходит взад и вперед по зале, заложив руки за спину.*)

**Фрида** (*сидит несколько минут в выжидательной позе, затем смотрит на свои часы и встает*). Извините, господин Боркман, но, к сожалению, мне, пожалуй, пора.

**Боркман** (*останавливаясь перед ней*). Уже уходить собираетесь?

**Фрида** (*складывая ноты в папку*). Да, пожалуй, пора. (*Видимо, смущенная*.) Я приглашена сегодня вечером в один дом.

**Боркман**. Где будут гости?

**Фрида**. Да.

**Боркман**. И вы будете занимать гостей своей игрой?

**Фрида** (*закусив губу*). Нет... я приглашена играть танцы.

**Боркман**. Только играть танцы?

**Фрида**. Да. После ужина будут танцы.

**Боркман** (*стоит и смотрит на нее*). А вы охотно играете танцы? По чужим домам?

**Фрида** (*надевая пальто*). Да, когда пригласят... Все-таки маленький заработок.

**Боркман** (*пытливо*). Вы об этом главным образом и думаете, когда играете танцы?

**Фрида**. Нет, я больше всего думаю о том, как тяжело, что мне самой не приходится участвовать в танцах.

**Боркман** (*кивая*). Вот это-то я и хотел знать. (*Нервно ходит взад и вперед*.) Да, да, да... тяжелее всего невозможность самому принимать участие... (*Останавливается*.) Но одно все-таки вознаграждает вас, Фрида.

**Фрида** (*вопросительно глядя на него*). Что же это такое, господин Боркман?

**Боркман**. То, что вы сами в тысячу раз музыкальнее всех этих танцоров, вместе взятых.

**Фрида** (*недоверчиво улыбаясь*). О, это еще далеко не наверно.

**Боркман** (*предостерегающе поднимает указательный палец*). Не позволяйте себе никогда такой глупости - сомневаться в собственных силах!

**Фрида**. Да что же, если о них никто не знает?

**Боркман**. Только бы вы сами знали, и довольно... А куда вы приглашены играть сегодня?

**Фрида**. К адвокату Хинкелю.

**Боркман** (*быстро, устремляя на нее пытливый взгляд*). К Хинкелю?

**Фрида**. Да.

**Боркман** (*с саркастической улыбкой*). И у этого господина бывают гости? Он может залучить к себе людей?

**Фрида.** Да, фру Вильтон говорит, что у них бывает множество народу.

**Боркман** (*с горячностью*). Но какого сорта? Можете вы сказать?

**Фрида** (*робко*). Нет, я, право, не знаю хорошенько. Ах да, я знаю, что и студент Боркман собирался туда сегодня.

**Боркман** (*пораженный*). Эрхарт! Мой сын?

**Фрида.** Да. Он там будет.

**Боркман.** Почему вы знаете?

**Фрида.** Он сам сказал. С час тому назад.

**Боркман.** Он разве здесь сегодня?

**Фрида.** Да, он весь день просидел у фру Вильтон.

**Боркман** (*пытливо*). А вы не знаете, заходил он сюда? То есть к кому-нибудь там, внизу?

**Фрида.** Да, он заходил к фру Боркман.

**Боркман** (*с горечью*). А! Я так и думал.

**Фрида.** И там, кажется, была какая-то чужая дама.

**Боркман.** Вот как? Впрочем, что ж? Фру Боркман, конечно, иногда навещают.

**Фрида.** Сказать студенту Боркману, если я увижусь с ним, чтобы он зашел и к вам?

**Боркман** (*резко*). Ничего не нужно говорить! Прошу меня избавить от этого! Если люди хотят меня видеть, они и сами придут. Я никого не зову.

**Фрида.** Да, да... так я ничего не скажу... Спокойной ночи, господин Боркман.

**Боркман** (*продолжая ходить; отрывисто, сквозь зубы*). Спокойной ночи.

**Фрида.** Можно пройти по винтовой лестнице? Там ближе.

**Боркман** (*тем же тоном*). Ах, да идите, где хотите. Прощайте!

**Фрида.** Спокойной ночи, господин Боркман. (*Уходит через маленькую дверь под обои в задней стене налево.*)

*Боркман задумчиво подходит к пианино и хочет закрыть его, но, по-видимому, отказывается от этой мысли, озирается вокруг и начинает опять безостановочно шагать назад и вперед из угла в угол, от пианино к противоположному углу на заднем плане направо. Наконец останавливается у письменного стола, прислушивается, глядя по направлению больших дверей, быстро берет со стола ручное зеркало, глядится в него и оправляет галстук. Стук в большие двери. Боркман бросает туда быстрый взгляд, но*

*молчит. Немного погода стук повторяется уже сильнее.*

**Боркман** (*опираясь левой рукой о письменный стол, правую заложив за борт сюртука*). Войдите!

*В дверь осторожно входит Вильгельм Фулдал, сгорбленный, помятый жизнью пожилой человек с кроткими голубыми глазами и жидкими длинными седыми волосами, спускающимися на воротник сюртука. Под мышкой у него папка, в руке - мягкая шляпа, на носу - большие очки в роговой оправе, которые он при входе вскидывает на лоб. (При виде вошедшего меняет позу, и лицо его принимает полуразочарованное, полудовольное выражение.)* А, вот это кто.

**Фулдал.** Добрый вечер, Йун Габриэль. Да, это я...

**Боркман** (*строго глядя на него*). Поздновато как будто.

**Фулдал.** Путь-то не близкий. Особенно коли пешком.

**Боркман.** Да зачем же ты всегда ходишь пешком, Вильгельм? У тебя ведь под боком конка.

**Фулдал.** Пешком здоровее. Да и десять эре останутся в кармане... А-а, Фрида недавно была у тебя, играла?

**Боркман.** Сейчас только ушла. Вы не встретились на дворе?

**Фулдал.** Нет. Я уж давно и в глаза ее не видал. С тех пор, как она перебралась к этой фру Вильтон.

**Боркман** (*садится на диван и указывает жестом Фулдалу на стул*). Что ж, присаживайся и ты, Вильгельм.

**Фулдал** (*присаживается на кончик стула*). Благодарю. (*Удрученно смотрит на него.*) Ах, ты не поверишь, как я одинок с тех пор, как Фрида переехала!

**Боркман.** Ну, что там! У тебя и без нее их довольно.

**Фулдал.** Правда, целых пятеро. Но одна Фрида еще того... понимала меня немножко. (*Печально качает головой.*) Остальные не понимают вовсе.

**Боркман** (*мрачно глядя перед собою и барабанив по столу пальцами*). Вот, вот! Словно проклятие какое тяготеет над нами, единичными, избранными людьми. Масса, толпа, все эти средние люди - они не понимают нас, Вильгельм.

**Фулдал** (*смиренно*). Да и бог с ним, с пониманием. Запасшись терпением, можно бы еще как-нибудь крепиться. (*Со слезами в голосе.*) А бывает и горше того.

**Боркман** (*горячо*). Горше этого нет ничего!

**Фулдал.** Нет, есть, Йун Габриэль. Я вот как раз сейчас только выдержал дома сцену... перед уходом сюда.



**Боркман.** Вот как? С чего же это?

**Фулдал** (*всхлипнув*). Они там... презируют меня!

**Боркман** (*вскакивая*). Презируют!..

**Фулдал** (*смахивая с глаз слезы*). Я давно уж замечал. А сегодня все прямо наружу вышло.

**Боркман** (*помолчав*). Верно, ты сделал плохой выбор, когда женился.

**Фулдал.** Да у меня почти что никакого выбора и не было. А ведь жениться тоже всякому хочется, как года-то начнут подходить. В тогдашнем моем положении... приниженный, пришибленный...

**Боркман** (*вскакивая, гневно*). Что это? Обвинение против меня? Упрек!..

**Фулдал** (*испуганно*). Что ты, что ты, Йун Габриэль!..

**Боркман.** Конечно, у тебя теперь на уме эта катастрофа с банком!

**Фулдал** (*успокаивающим тоном*). Да я ведь не виню тебя в ней. Сохрани бог!

**Боркман** (*сидясь, ворчливо*). Хорошо, что еще так.

**Фулдал.** Впрочем, не подумай, что я жалуюсь на жену. Бедняжка не очень образованна, это верно. Но все-таки она, что ж... она ничего себе. А вот детки...

**Боркман.** Я так и думал.

**Фулдал.** Детки-то... пообразованнее ведь. Ну и требований к жизни у них больше.

**Боркман** (*с участием глядя на него*). И потому эти молокососы презируют тебя, Вильхельм?

**Фулдал** (*пожимая плечами*). Я, видишь ли, недалеко ушел в жизни. Надо сознаться...

**Боркман** (*подвигаясь к нему ближе и кладя руку ему на плечо*). Они разве не знают, что ты написал в молодости трагедию?

**Фулдал.** Это-то они, конечно, знают. Да, видно, мало придают этому значения.

**Боркман.** Значит, они мало что смыслят. Твоя трагедия хороша. Я твердо убежден в этом.

**Фулдал** (*с прояснившимся лицом*). Не правда ли, Йун Габриэль, в ней есть кое-что хорошее? Господи! Только бы мне удалось как-нибудь пристроить ее!.. (*Поспешно развязывает папку и начинает перелистывать рукопись.*) Постой! Я покажу тебе кое-какие поправки...

**Боркман.** Она у тебя с собой?

**Фулдал.** Да, я захватил. Я уж так давно не читал ее тебе. Я и подумал, что тебя, может быть, развлечет, если я прочту тебе действие, другое...

**Боркман** (*встает*). Нет, нет, оставим лучше до другого раза.

**Фулдал**. Как хочешь, как хочешь.

*Боркман ходит взад и вперед по комнате. Фулдал снова завязывает папку.*

**Боркман** (*останавливается перед ним*), Ты был прав, говоря сейчас, что недалеко ушел в жизни. Но я обещаю тебе, Вильхельм, когда пробьет мой час и я получу удовлетворение, то...

**Фулдал** (*собираясь встать*). Спасибо!..

**Боркман** (*снисходительно поводя рукой*). Сиди, сиди себе! (*С возрастающим жаром.*) Когда для меня пробьет час удовлетворения... когда они поймут, что им не обойтись без меня... Когда придут вот сюда, в эту залу... и начнут смиренно умолять меня снова принять бразды правления в банке - в новом банке... Основать-то они его основали, а справиться не в силах... (*Опять останавливаясь у письменного стола и принимая ту же позу, как перед приходом Фулдала, ударяет себя в грудь.*) Вот тут я и приму их! И по всей стране пройдет слух о том, какие условия поставил Йун Габриэль Боркман... (*Внезапно останавливаясь и впиваясь взглядом в Фулдала.*) Да ты как будто сомневаешься? Ты, может быть, не веришь, что они придут? Что они должны, должны, должны прийти ко мне когда-нибудь? Не веришь?

**Фулдал**. Верю, верю. Как не верить, Йун Габриэль!

**Боркман** (*опять садясь на диван*). Я твердо верю. Знаю, наверное знаю, что они придут... Не будь у меня этой уверенности, я бы давно пустил себе пулю в лоб.

**Фулдал** (*с испугом*). Что ты, что ты! Ни за что на свете!..

**Боркман** (*гордо закидывая голову*). Но они придут! Придут еще! Увидишь! Можно ожидать их каждый день, каждый час. И ты видишь, я всегда начеку... готов принять их.

**Фулдал** (*со вздохом*). Только бы они пришли поскорее.

**Боркман** (*тревожно*). Да, да. Время идет. Годы уходят. Жизнь... У!.. Нет, не смею подумать! (*Глядит на него.*) Знаешь, как я временами чувствую себя?

**Фулдал**. Ну?

**Боркман**. Как какой-нибудь Наполеон, которого искалечили в первом же сражении.

**Фулдал** (*кладя руку на папку*). Это чувство и мне знакомо.

**Боркман**. Ну да, так - в миниатюре.

**Фулдал** (*сдержанно*). Мой маленький творческий мирок имеет для меня большое значение, Йун Габриэль.

**Боркман** (*горячо*). Да, но я-то, я-то мог создать миллионы!.. Я хотел объединить в своих руках все горное дело!.. Новые рудники без конца. Водопады! Каменоломни! Торговые

сношения, морские и сухопутные, со всем миром! Все, все это создал бы я один!

**Фулдал.** Знаю, знаю. Ты бы ни перед чем не остановился.

**Боркман** (*стиснув руки*). И вот я сижу теперь здесь, как подстреленный глухарь, да гляжу, как другие опережают меня, вырывают у меня из-под рук добычу за добычей.

**Фулдал.** И со мною то же.

**Боркман** (*не слушая его*), Подумать! Я был почти у цели. Дали бы мне еще неделю срока! Все вклады были бы выкуплены... Все ценности, которые я заимствовал смелой рукой, снова были бы на своих местах. Уже готовы были организоваться затейные мною огромные, небывалые акционерные общества. Никто не потерял бы ни гроша...

**Фулдал.** Да, такая жалость... Ты был так близок к цели...

**Боркман** (*со сдержанным бешенством*). Но тут-то меня и постигло предательство! Как раз в те дни, когда все должно было решиться! (*Смотрит на него.*) Знаешь, какое преступление, по-моему, подлее всех, на какие только способен человек?

**Фулдал.** Нет. Какое же?

**Боркман.** Не убийство, не воровство, не ночной грабеж. Даже не клятвопреступление. В таких случаях человек имеет большею частью дело с людьми, ему ненавистными, или с посторонними, совершенно чужими ему людьми.

**Фулдал.** Ну, так самое подлое преступление, Йун Габриэль?..

**Боркман** (*отчеканивая*). Самое подлое - злоупотребление доверием друга.

**Фулдал** (*с некоторым сомнением*). Послушай, однако...

**Боркман** (*запальчиво*). Что ты хочешь сказать?.. Я уж вижу - что, по твоему лицу вижу. Но тут это ни при чем. Вкладчики получили бы все свое обратно в целости. Все как есть, до последней крохи!.. Нет, самое подлое преступление, на какое только способен человек, - это злоупотребление письмами друга... оглашение на весь мир того, что было доверено с глазу на глаз, как бы на ухо в пустой, темной, запертой наглухо комнате. Человек, способный прибегать к подобным средствам, насквозь пропитан и отравлен, зачумлен моралью свержподлецов. И такой-то друг был у меня... Он и погубил меня.

**Фулдал.** Догадываюсь, на кого ты намекаешь.

**Боркман.** Не было уголка в моей душе, которого бы я не открыл ему. И вот, когда минута настала, он обратил против меня то оружие, которое я сам же дал ему в руки.

**Фулдал.** Я никогда не мог понять, почему он, в сущности... Конечно, разное говорили в ту пору...

**Боркман.** Что говорили? Скажи. Я ведь до сих пор ничего не знаю. Меня сейчас же... изолировали. Что говорили тогда, Вильхельм?

**Фулдал.** Говорили, что тебя прочили в министры.

**Боркман.** Мне предлагали, но я отказался.

**Фулдал.** Значит, ты не стоял ему поперек дороги?

**Боркман.** Нет. Он не потому и предал меня.

**Фулдал.** Тогда я, право, не пойму...

**Боркман.** Я, пожалуй, скажу тебе, Вильхельм.

**Фулдал.** Ну?

**Боркман.** Тут вышла... дело в некотором роде шло о женщинах.

**Фулдал.** О женщинах? Но, однако, Йун Габриэль...

**Боркман** (*перебивая*). Да, да, да! Мы не будем вспоминать эти старые, глупые истории... Ну, в министры-то не попали ни я, ни он.

**Фулдал.** Но он далеко шагнул.

**Боркман.** А я пал!

**Фулдал.** О, это такая трагедия...

**Боркман** (*кивая*). Такая же почти, как и твоя, если подумать хорошенько.

**Фулдал** (*простодушно*). Да, уж по крайней мере.

**Боркман** (*посмеиваясь*). А с другой стороны, это, право, своего рода комедия.

**Фулдал.** Комедия? Это?

**Боркман.** Да. По-видимому, так выходит... теперь. Ты вот послушай только...

**Фулдал.** Ну, ну?

**Боркман.** Ты ведь не встретил сегодня Фриды?

**Фулдал.** Нет.

**Боркман.** Ну вот, пока мы с тобой сидим тут, она сидит и играет танцы у того, кто предал и разорил меня.

**Фулдал.** Я и не подозревал ничего такого!

**Боркман.** Да, она забрала свои ноты и отправилась от меня туда, в барский дом.

**Фулдал** (*как бы извиняясь*). Да, да, бедняжка...

**Боркман.** И угадай-ка, для кого она играет... между прочими?

**Фулдал.** Ну?

**Боркман.** Для моего сына.

**Фулдал.** Как?

**Боркман.** Да. Каково тебе покажется, Вильхельм? Мой сын танцует там сегодня. Ну, так не комедия ли это, как я говорю?

**Фулдал.** Так он, верно, ничего не знает.

**Боркман.** Чего не знает?

**Фулдал.** Верно, он не знает, что тот... этот... ну...

**Боркман.** Да ты называй его, не стесняйся. Теперь ничего, я вынесу.

**Фулдал.** Я уверен, что твой сын не знает всей сути, Йун Габриэль.

**Боркман** (*угрюмо сидит, барабанив пальцами по столу*). Он знает все, даю тебе слово.

**Фулдал.** Так... как же ты миришься с мыслью, что твой сын может бывать в том доме?

**Боркман** (*качая головой*). Мой сын, должно быть, смотрит на вещи иными глазами, чем его отец. Я готов поклясться, что он на стороне моих врагов! Ему, верно, как и им, кажется, что адвокат Хинкель только исполнял свой проклятый долг, предавая меня.

**Фулдал.** Но, дорогой мой, кто же мог представить твоему сыну дело в таком свете?

**Боркман.** Кто? Ты забыл, кто воспитывал его? Сначала тетка... с шести-семи лет, а потом мать!

**Фулдал.** Я думаю, ты несправедлив к ним в данном случае.

**Боркман** (*запальчиво*). Я никогда не бываю несправедлив к людям! И говорю тебе, обе они восстанавливали его против меня!

**Фулдал** (*робко*). Да, да, да, тогда, верно, уж так.

**Боркман** (*гневно*). О, эти женщины! Они портят и усложняют нам жизнь! Коверкают всю нашу судьбу, весь наш победный путь!

**Фулдал.** Не все же!

**Боркман.** Не все? Так назови мне хоть одну достойную!

**Фулдал.** То-то и есть, - я знаю лишь немногих, а из них нет ни одной такой.

**Боркман** (*презрительно фыркая*). Так велик от них прок, если и есть такие женщины... да их не знаешь!

**Фулдал** (*горячо*). Нет, Йун Габриэль, прок все-таки есть. Какое счастье, какая благодать сознавать, что где-то там, вдали, существует все-таки настоящая женщина.

**Боркман** (*нетерпеливо передвигаясь на диване*). Поди ты со своими поэтическими бреднями!

**Фулдал** (*глядит на него глубоко оскорбленный*). Ты называешь самую святую мою веру поэтическими бреднями?

**Боркман** (*жестко*). Да, называю! Вот тебе и причина, почему ты не пробил себе дороги. Бросил бы ты все эти бредни, так, пожалуй, я еще помог бы тебе стать на ноги, пробиться.

**Фулдал** (*сдерживая негодование*). Где уж тебе!

**Боркман**. Да, да, только бы мне вновь стать у власти.

**Фулдал**. Ну, этого, верно, не скоро дождешься.

**Боркман** (*запальчиво*). По-твоему, пожалуй, никогда не дожждаться? Отвечай!

**Фулдал**. Что ж мне отвечать!

**Боркман** (*встает и говорит холодным, надменным тоном, указывая на дверь*). Так ты мне больше не нужен.

**Фулдал** (*привстав*). Не нужен?..

**Боркман**. Раз ты не веришь, что в моей судьбе произойдет переворот...

**Фулдал**. Да не могу же я верить наперекор здравому смыслу!.. Конечно, ты-то нуждаешься в удовлетворении, но...

**Боркман**. Дальше, дальше!

**Фулдал**. Я хоть и не кончил курса, а все-таки кое-чему учился в свое время...

**Боркман** (*быстро*). По-твоему, это невозможно?

**Фулдал**. И примеров таких не бывало.

**Боркман**. Примеры излишни для людей исключительных.

**Фулдал**. Таких соображений закон не знает.

**Боркман** (*жестко и решительно*). Ты не поэт, Вильхельм.

**Фулдал** (*невольно складывая руки*). Ты это говоришь вполне серьезно?

**Боркман** (*уклоняясь от ответа*). Мы только даром тратим друг на друга время. Лучше тебе не приходить больше.

**Фулдал**. Так ты хочешь, чтобы я оставил тебя?

**Боркман** (*не глядя на него*). Ты больше мне не нужен.

**Фулдал** (*покорно, взяв папку*). Да, да, да, пожалуй.

**Боркман**. Значит, ты все время лгал мне,

**Фулдал** (*качая головой*). Никогда я не лгал, Йун Габриэль.

**Боркман**. Разве ты не лгал мне, поддерживая во мне все время надежду и веру, доверие к самому себе?

**Фулдал**. Лжи не было, пока ты верил в мое призвание. Пока ты верил в меня - я верил в тебя.

**Боркман**. Так мы взаимно обманывали друг друга. И быть может, самих себя... оба.

**Фулдал**. Не в этом ли, в сущности, и состоит дружба, Йун Габриэль?

**Боркман** (*с горькой усмешкой*). Да, дружба - это обман. Ты прав, Это я уже испытал и раньше.

**Фулдал** (*смотрит на него*). Я не поэт! И ты мог высказать это мне так безжалостно!..

**Боркман** (*несколько мягче*). Ну, я ведь не знаток по этой части.

**Фулдал**. Пожалуй, больший знаток, чем сам думаешь.

**Боркман**. Я?

**Фулдал** (*тихо*). Да, ты. На меня на самого, видишь ли, иногда находило сомнение. Да. Ужасное сомнение... что я загубил свою жизнь из-за бредней.

**Боркман**. Если ты сам сомневаешься в себе - твое дело плохо.

**Фулдал**. Вот для меня и было таким утешением приходить сюда к тебе и находить опору в тебе... Ты ведь верил. (*Берет свою шляпу.*) Но теперь ты мне чужой.

**Боркман**. И ты мне.

**Фулдал**. Прощай, Йун Габриэль.

**Боркман**. Прощай, Вильхельм.

*Фулдал уходит в дверь налево. Боркман стоит с минуту, впериw взор в закрывишуюся дверь, затем делает движение, как бы намереваясь вернуть Фулдала, но, одумавишись, начинает ходить взад и вперед по комнате, заложив руки за спину. Потом останавливается у дивана и тушит лампу на столе. В зале распространяется полумрак. Немного погодя слышится стук в маленькую дверь налево в задней стене. (Вздрагивает, оборачивается и спрашивает громко.) Кто там?*

*Никто не отвечает, но стук повторяется.*

*(Не двигаясь с места.) Кто там? Войдите!*

*Входит Элла Рентхейм с зажженной свечой в руках. Она в том же черном платье, на плечи наброшено пальто.*

*(Глядит на нее, широко раскрыв глаза.) Кто вы? Что вам надо от меня?*

**Элла Рентхейм** *(затворяет за собою дверь и приближается к нему).* Это я, Боркман. *(Ставит свечу на пианино и сама останавливается около.)*

**Боркман** *(стоит как пораженный ударом молнии; глядит на нее не отрываясь и шепчет).* Это... это Элла? Элла Рентхейм?

**Элла Рентхейм.** Да... "Твоя" Элла, как ты звал меня прежде. Когда-то. Давно-давно.

**Боркман** *(по-прежнему).* Да, это ты, Элла... Теперь я вижу.

**Элла Рентхейм.** Узнаешь меня?

**Боркман.** Теперь начинаю...

**Элла Рентхейм.** Годы жестоко изменили меня, Боркман. Не правда ли?

**Боркман** *(принужденно).* Да, ты несколько изменилась. Так, на первый взгляд...

**Элла Рентхейм.** Темные локоны не выются больше у меня по плечам... Ты, бывало, любил навивать их на пальцы.

**Боркман** *(живо).* Да, да! Теперь я вижу, Элла! Ты переменила прическу.

**Элла Рентхейм** *(с грустной улыбкой).* Именно. Все дело в прическе.

**Боркман** *(желая переменить тему).* А я и не знал, что ты в наших краях.

**Элла Рентхейм.** Я только что приехала.

**Боркман.** Зачем же ты приехала... теперь, зимой?

**Элла Рентхейм.** Сейчас узнаешь.

**Боркман.** Тебе что-нибудь надо от меня?

**Элла Рентхейм.** И от тебя. Но если уж говорить об этом, то надо начать издалека.

**Боркман.** Ты, верно, устала?

**Элла Рентхейм.** Да, устала.

**Боркман.** Так не присядешь ли? Вот там - на диване.

**Элла Рентхейм.** Спасибо. Мне надо присесть. *(Идет направо и садится на диван, в переднем углу.)*



*Боркман остается стоять возле стола, заложив за спину руки, и смотрит на Эллу.  
Короткое молчание.*

Давно-давно не встречались мы лицом к лицу, Боркман.

**Боркман** (*угрюмо*). Давно-давно. И вспоминать странно, что отделяет нас от того времени.

**Элла Рентхейм**. Целая жизнь человеческая. Загубленная человеческая жизнь.

**Боркман** (*бросая на нее пронизывающий взгляд*). Загубленная!

**Элла Рентхейм**. Именно загубленная. И даже не одна, а две... обе наши жизни.

**Боркман** (*сухим, деловым тоном*). Я еще не считаю свою жизнь загубленной.

**Элла Рентхейм**. Ну, а мою жизнь?

**Боркман**. Тут ты сама виновата, Элла.

**Элла Рентхейм** (*вздрагивая*). И это ты говоришь, ты!

**Боркман**. Ты отлично могла быть счастливой и без меня.

**Элла Рентхейм**. Ты думаешь?

**Боркман**. Если б только сама захотела.

**Элла Рентхейм** (*с горечью*). Да, да, знаю - другой был готов взять меня когда угодно...

**Боркман**. Но ты отказала ему...

**Элла Рентхейм**. Отказала.

**Боркман**. И не раз. А несколько раз подряд. Отказывала из года в год...

**Элла Рентхейм** (*презрительно*). Из года в год продолжала отталкивать от себя счастье? Так, что ли?

**Боркман**. Ты отлично могла бы быть счастлива и с ним. И я тогда был бы спасен.

**Элла Рентхейм**. Ты?..

**Боркман**. Да, ты бы спасла меня, Элла.

**Элла Рентхейм**. Почему ты так думаешь?

**Боркман**. Он полагал, что это я стою между вами... я причина этих твоих... вечных отказов. И он отомстил. Ему это было легко - у него были в руках все мои неосторожные, донельзя откровенные письма. Он пустил их в ход... И я погиб... на время то есть. Видишь, все это твоя вина, Элла!

**Элла Рентхейм**. Вот как, Боркман! В конце концов, пожалуй, я остаюсь виноватой перед

тобой, в долгу у тебя?

**Боркман.** Как смотреть на дело. Я хорошо знаю, что я обязан тебе. Ты оставила за собой на аукционе этот дом, всю усадьбу, предоставила дом в полное распоряжение мне и... твоей сестре. Взяла к себе Эрхарта... заботилась о нем всячески...

**Элла Рентхейм.** Пока мне позволяли...

**Боркман.** Пока позволяла твоя сестра, да. Я никогда не вмешивался в эти домашние дела... Так я хотел сказать, что знаю, какие жертвы ты принесла мне и твоей сестре. Но ты ведь и в состоянии была сделать это, Элла. И не могла же ты забыть, что этим была обязана мне.

**Элла Рентхейм (возмущенная).** Жестоко ошибаешься, Боркман! Мною руководила одна любовь и горячая привязанность к Эрхарту... и к тебе!

**Боркман (перебивая).** Прошу тебя, дорогая, не будем распространяться о чувствах и тому подобном. Я хочу, конечно, сказать лишь то, что я дал тебе средства сделать то, что ты сделала.

**Элла Рентхейм (с улыбкой).** Гм... средства, средства...

**Боркман (горячо).** Именно средства! Перед великим, генеральным сражением, когда я не мог щадить ни родных, ни друзей, когда я должен был ухватиться - и ухватился - за доверенные мне миллионы, я пощадил то, что принадлежало тебе, сберег все твое, хотя мог бы взять и пустить в оборот и это... как все остальное.

**Элла Рентхейм (холодно и спокойно).** Это совершенная правда, Боркман.

**Боркман.** Да, и вот... когда меня взяли, все твое оказалось неприкосновенным в кладовых банка.

**Элла Рентхейм (взглянув на него).** Я часто думала об этом... Почему ты, собственно, сберег все мое? И только мое?

**Боркман.** Почему?

**Элла Рентхейм.** Да, почему? Скажи.

**Боркман (жестко, презрительно).** Ты, пожалуй, подумаешь, что я хотел оатавить себе запасной выход - на случай неудачи?

**Элла Рентхейм.** О нет! В то время тебе это вряд ли могло прийти в голову.

**Боркман.** Никогда не могло! Я был слишком уверен в победе.

**Элла Рентхейм.** Так почему же все-таки?

**Боркман (пожимая плечами).** Ах, Элла, не так-то легко припомнить мотивы, которыми ты руководствовался десятка полтора лет назад. Я припоминаю только, что, строя в тиши свои грандиозные планы, я чувствовал себя чем-то вроде воздухоплователя. В бессонные ночи я как будто накачивал свой гигантский шар, готовясь переплыть неведомый, полный

опасностей мировой океан.

**Элла Рентхейм** (*улыбаясь*). Да ведь ты же никогда не сомневался в победе.

**Боркман** (*нетерпеливо*). Таковы люди, Элла. Они сомневаются и верят сразу. (*Как бы про себя.*) Вот почему, должно быть, я и не хотел взять с собою на шаре тебя с твоим достоянием.

**Элла Рентхейм** (*напряженно*). Почему же? Скажи - почему?

**Боркман** (*глядя в сторону*). Не очень-то охотно берут с собой в такой путь то, что всего дороже.

**Элла Рентхейм**. Ты брал с собою то, что было тебе всего дороже. Все свое будущее... свою жизнь...

**Боркман**. Жизнь не всегда самое дорогое.

**Элла Рентхейм** (*задыхаясь*). Тебе так казалось тогда?

**Боркман**. Теперь мне так кажется.

**Элла Рентхейм**. Что я была тебе дороже всего?

**Боркман**. Да, выходит так...

**Элла Рентхейм**. Но ты еще задолго до того изменил мне... и женился... на другой.

**Боркман**. Изменил тебе, говоришь? Должна же ты понимать, что были, значит, высшие... или другие соображения... которые принудили меня. Без его помощи я бы не пробился.

**Элла Рентхейм** (*стараясь побороть свое волнение*). Ты, значит, изменил мне из высших соображений.

**Боркман**. Я не мог обойтись без его помощи. А он ценой своей помощи назначил тебя.

**Элла Рентхейм**. И ты не постоял за ценой. Уплатил сполна. Не торгуясь.

**Боркман**. Другого выбора не было. Или победить, или пасть.

**Элла Рентхейм** (*дрожащим голосом, глядя на него*). Но тогда правду ли ты говоришь, что я была тебе в то время дороже всего на свете?

**Боркман**. И в то время, и после. Долго-долго спустя.

**Элла Рентхейм**. И все-таки ты променял меня тогда... Торговался с другим человеком за свое право любить. Продал мою любовь за... пост директора банка!

**Боркман** (*угрюмо, подавленно*). Необходимость заставила меня, Элла.

**Элла Рентхейм** (*вся дрожа, вне себя поднимается с дивана*). Преступник!

**Боркман** (*вздрагивает, но овладевает собою*). Это слово я слышу не впервые.

**Элла Рентхейм**. О, не думай, что я говорю о том, в чем ты мог провиниться перед законом и правом! Что мне за дело до того, как ты распорядился всеми этими акциями и облигациями или что там было еще! Если бы только мне было позволено стать рядом с тобой, когда все обрушилось на твою голову...

**Боркман** (*напряженно*). Что тогда, Элла?

**Элла Рентхейм**. Верь мне, я с радостью разделила бы с тобою все. И стыд, и разорение, все, все! Помогла бы тебе перенести все!

**Боркман**. И ты бы захотела? Смогла бы?

**Элла Рентхейм**. И захотела бы, и смогла! Тогда ведь я еще не знала о твоём огромном, ужасном преступлении...

**Боркман**. О каком? Что ты имеешь в виду?

**Элла Рентхейм**. Я имею в виду преступление, за которое нет прощения.

**Боркман** (*вперив в нее взгляд*). Ты себя не помнишь, Элла.

**Элла Рентхейм** (*подступая к нему*). Ты убийца! Ты совершил великий, смертный грех!

**Боркман** (*отступая к пианино*). Да ты в уме, Элла?

**Элла Рентхейм**. Ты убил во мне душу, живую душу, способную любить! (*Подступая к нему.*) Понимаешь, что это значит! В Библии говорится об одном загадочном грехе, за который нет прощения. Прежде я никогда не понимала, что это за грех. Теперь понимаю. Самый великий, неискупимый грех - это умертвить живую душу в человеке, душу, способную любить!

**Боркман**. И по-твоему, я повинен в этом?

**Элла Рентхейм**. Да, повинен! Я, собственно, и не знала, что, в сущности, постигло меня, - не знала до сегодняшнего дня. Твою измену мне ради Гунхильд я приписывала обыкновенному мужскому непостоянству с твоей стороны и бессердечным уловкам - с ее. И мне почти кажется, что я презирала тебя немножко, вопреки всему. Но теперь я вижу: ты изменил любимой женщине. Мне, мне, мне! Ты мог ради выгоды продать то, что было тебе самому дороже всего на свете! Ты повинен в двойном убийстве! Убил и свою и мою душу!

**Боркман** (*овладевает собой, холодно*). Как я узнаю твой страстный, необузданный нрав, Элла! Конечно, тебе вполне естественно смотреть на дело так. Ты ведь женщина. И для тебя, как видно, и нет ничего другого на свете...

**Элла Рентхейм**. Нет и не было!

**Боркман**. Ничего, кроме велений сердца...

**Элла Рентхейм**. Ничего больше! Ничего больше! Совершенно верно.

**Боркман.** Но ты помни, что я мужчина. Как женщина ты была мне дороже всего на свете. Но если на то пошло - одну женщину всегда можно заменить другой.

**Элла Рентхейм** (*смотрит на него с усмешкой*). Ты пришел к этому заключению, женившись на Гунхильд?

**Боркман.** Нет. Но у меня были свои задачи в жизни, и они помогли мне перенести и это. Я хотел объединить в своих руках все источники власти в этой стране. Все богатства, которыми кишат здесь земля и скалы, леса и море... хотел я подчинить себе, обеспечить свою власть и тем создать благосостояние тысяч и тысяч людей.

**Элла Рентхейм** (*вся уйдя в воспоминания*). Я знаю. Много вечеров провели мы, беседуя о твоих планах...

**Боркман.** Да, с тобою я мог беседовать, Элла.

**Элла Рентхейм.** Я шутила над твоими планами и спрашивала тебя, не хочешь ли ты разбудить всех дремлющих духов золота.

**Боркман** (*кивая*). Я припоминаю это выражение. (*Медленно.*) Всех дремлющих духов золота.

**Элла Рентхейм.** Но ты-то не шутил. Ты говорил; "Да, да, Элла, я именно этого и хочу".

**Боркман.** Так оно и было. Мне только надо было твердо стать ногой на первую ступень... А это зависело тогда от одного человека. Он мог и хотел доставить мне руководящее положение в банке, если я, со своей стороны...

**Элла Рентхейм.** Так, так! Если ты, со своей стороны, откажешься от любимой... и безгранично любившей тебя женщины.

**Боркман.** Я знал его непреодолимую страсть к тебе. Знал, что он никогда ни на каком другом условии...

**Элла Рентхейм.** И ты ударил по рукам.

**Боркман** (*горячо*). Да, Элла! Жажда власти была во мне так непреодолима! Я ударил по рукам. Должен был. И он помог мне взобраться до половины той заманчивой высоты, куда я стремился. Я все поднимался и поднимался. Год за годом все поднимался...

**Элла Рентхейм.** И я была как бы вычеркнута из твоей жизни.

**Боркман.** И все-таки он в конце концов столкнул меня в пропасть. Из-за тебя, Элла.

**Элла Рентхейм** (*после короткого раздумья*). Боркман... не кажется ли тебе, что над нашими отношениями как будто тяготело какое-то проклятие?

**Боркман** (*взглянув на нее*). Проклятие?

**Элла Рентхейм.** Да. Не так ли?

**Боркман** (*тревожно*). Но почему же, собственно? (*Порывисто.*) Ах, Элла! Скоро я перестану понимать, кто прав - я или ты!

**Элла Рентхейм**. Ты совершил грех. Ты умертвил во мне всякую человеческую радость.

**Боркман** (*со страхом*). Не говори так, Элла!

**Элла Рентхейм**. По крайней мере, всякую человеческую радость, свойственную женщине. С того времени, как твой образ начал тускнеть в моем сердце, для меня как будто закатилось солнце жизни, И год от году мне становилось все труднее и труднее - под конец совершенно невозможно любить что-либо живое на свете. Ни людей, ни животных, ни растения. Только одного-единственного...

**Боркман**. Кого же?..

**Элла Рентхейм**. Да Эрхарта, конечно!

**Боркман**. Эрхарта?

**Элла Рентхейм**. Эрхарта - твоего, твоего сына, Боркман!

**Боркман**. Так он в самом деле был тебе так дорог?

**Элла Рентхейм**. Зачем иначе я взяла бы его к себе и держала у себя так долго, как только могла? Зачем?

**Боркман**. Я думал, из сострадания. Как и все остальное.

**Элла Рентхейм** (*с глубоким внутренним волнением*). Из сострадания! Ха-ха! Я не знала сострадания с тех пор... как ты изменил мне. Я стала совершенно не способна к таким чувствам. Бывало, придет ко мне в кухню бедный, голодный, иззябший ребенок и плачет, просит поесть, - я поручала его кухарке. Никогда не чувствовала я потребности взять ребенка к себе, согреть его у своего камина, порадоваться, глядя, как он ест досыта. В молодости я никогда не была такою, я это ясно помню. Лишь благодаря тебе во мне и вокруг меня все стало так пусто, бесплодно, как в пустыне.

**Боркман**. Только не для Эрхарта?

**Элла Рентхейм**. Да. Не для твоего сына. Но зато для всего, для всего живого. Ты обманул меня, лишив материнских радостей и счастья. И материнских забот и слез тоже. И последнее было, пожалуй, самым горьким лишением для меня.

**Боркман**. Что ты говоришь, Элла!

**Элла Рентхейм**. Как знать? Может быть, мне именно всего нужнее были бы материнские заботы и слезы. (*Со все возрастающим волнением.*) Но я не в силах была примириться с этим лишением тогда. Потому я взяла к себе Эрхарта. И сумела завоевать его. Завоевала его нежную, любящую детскую душу. И он был моим всецело, пока... О!..

**Боркман**. Пока?..

**Элла Рентхейм**. Пока его мать, то есть его родная мать, не отняла его у меня.

**Боркман.** Верно, так надо было. Надо было перевезти его в город.

**Элла Рентхейм** (*ломаая руки*). Но я не могу выносить одиночества! Пустоты! Утраты любви твоего сына!

**Боркман** (*с недобрым огоньком во взоре*). Гм!.. Ты, верно, и не утратила ее, Элла. Мудрено перенести свою любовь на... кого-нибудь там... внизу.

**Элла Рентхейм.** Я лишилась своего Эрхарта именно здесь, и она вновь завоевала его. Или еще кто-нибудь. Это ясно видно из его писем, которые он мне пишет время от времени.

**Боркман.** Так ты не за ним ли и приехала сюда?

**Элла Рентхейм.** Да, если только это будет возможно!..

**Боркман.** Это будет возможно, раз ты так непременно хочешь. Ты ведь имеешь на него самые большие, неотъемлемые права.

**Элла Рентхейм.** Ах! Права, права! Что мне права! Если он не вернется добровольно, он не будет моим всецело. А этого-то одного я и хочу! Я хочу, чтобы сердце моего ребенка было теперь моим, моим всецело, безраздельно!

**Боркман.** Не забудь, что Эрхарту уже за двадцать. И долго владеть его сердцем ты, конечно, не можешь рассчитывать... Безраздельно, как ты говоришь.

**Элла Рентхейм** (*со скорбной улыбкой*). Особенно долго и не нужно.

**Боркман.** Как? Я думал, что если ты чего добиваешься, так уж на всю жизнь.

**Элла Рентхейм.** Да. Но это не значит надолго.

**Боркман** (*пораженный*). Что ты хочешь сказать?

**Элла Рентхейм.** Ты ведь знаешь, что я все хвораю последние годы?

**Боркман.** Разве?

**Элла Рентхейм.** Ты не знаешь?

**Боркман.** Нет, собственно говоря...

**Элла Рентхейм** (*с изумлением глядя на него*). Эрхарт разве не рассказывал тебе?

**Боркман.** Нет, говорить-то, я думаю, говорил. Я, впрочем, редко вижу его. Почти совсем не вижу. Кто-то там, внизу... отстраняет его от меня. Понимаешь, отстраняет.

**Элла Рентхейм.** Ты уверен в этом, Боркман?

**Боркман** (*меняя тон*). Конечно, уверен. Так ты все хвораешь, Элла?

**Элла Рентхейм.** Да, хвораю. А теперь, осенью, мне стало уж так плохо, что пришлось

поехать сюда посоветоваться с более сведущими докторами.

**Боркман.** Ты, верно, уже и советовалась?

**Элла Рентхейм.** Да, утром сегодня.

**Боркман.** И что же?

**Элла Рентхейм.** Они подтвердили мои подозрения, которые я и сама уже давно питала...

**Боркман.** Ну?

**Элла Рентхейм** (*просто и спокойно*). Болезнь моя смертельна, Боркман.

**Боркман.** Полно, не верь, Элла!

**Элла Рентхейм.** От этой болезни нет излечения, нет спасения. Врачи не знают никаких средств. Надо предоставить ей идти своим чередом. Остановить нельзя. Разве облегчить немного. И то хорошо.

**Боркман.** Но ведь это может еще долго протянуться, поверь мне.

**Элла Рентхейм.** Зиму, вероятно, протяну, сказали мне.

**Боркман** (*рассеянно*). Ну да, зима ведь долго тянется.

**Элла Рентхейм** (*тихо*). Во всяком случае, довольно долго протянется для меня.

**Боркман** (*спохватившись*). Но откуда, скажи на милость, взялась у тебя эта болезнь? Ты, конечно, вела здоровую, правильную жизнь... Откуда же это взялось?

**Элла Рентхейм** (*глядя на него*). Врачи говорят, что у меня, верно, были тяжелые нравственные потрясения.

**Боркман** (*запальчиво*). Нравственные потрясения! А, понимаю! Это, значит, моя вина!

**Элла Рентхейм** (*со все возрастающим внутренним жаром*). Об этом поздно толковать! Но прежде чем меня не станет, мне надо вернуть себе свою единственную сердечную привязанность! Мне так невыразимо тяжело думать, что я покину все живое, уйду от солнца, света, воздуха, не оставив по себе здесь ни единой души, кто бы думал обо мне, вспоминал меня с любовью и грустью, как вспоминает сын умершую мать.

**Боркман** (*после короткой паузы*). Возьми его, Элла, если можешь.

**Элла Рентхейм** (*живо*). Ты согласен! Ты можешь согласиться?

**Боркман** (*угрюмо*). Да. И это не бог весть какая жертва с моей стороны. Все равно он не мой.

**Элла Рентхейм.** Благодарю! Все-таки благодарю тебя за эту жертву! Но тогда я попрошу тебя еще об одном... И это крайне важно для меня, Боркман.



**Боркман.** Так говори.

**Элла Рентхейм.** Ты, может статься, сочтешь это ребячеством с моей стороны... не поймешь меня...

**Боркман.** Да говори, говори же!

**Элла Рентхейм.** Меня скоро не будет, но после меня останется немало...

**Боркман.** Да, да.

**Элла Рентхейм.** Все это я думаю оставить Эрхарту.

**Боркман.** У тебя, в сущности, и нет никого ближе.

**Элла Рентхейм** (*с теплым чувством*). Да, ближе его у меня никого нет.

**Боркман.** Никого из твоего собственного рода. Ты последняя.

**Элла Рентхейм** (*медленно кивая*). Именно. И с моею смертью... умрет самое имя Рентхеймов. Эта мысль удручает меня. Вычеркнута из жизни совсем. Даже имени не останется...

**Боркман** (*вскакивая*). А, я вижу, куда ты клонишь!

**Элла Рентхейм** (*страстно*). Не дай же этому сбыться! Позволь Эрхарту принять мое имя!

**Боркман** (*сурово глядя на нее*). Я понимаю тебя. Ты хочешь избавить моего сына от имени отца. Вот в чем все дело.

**Элла Рентхейм.** Никогда! Я бы сама с такою гордостью и радостью носила его вместе с тобою! Но пойми... мать, которая скоро умрет... Имя связывает крепче, чем ты думаешь, Боркман!

**Боркман** (*сухо и гордо*). Хорошо, хорошо, Элла. У меня хватит мужества одному носить свое имя.

**Элла Рентхейм** (*схватив его руки, крепко сжимает их*). Благодарю, благодарю! Теперь мы вполне квиты! Да, да, пусть будет так! Ты загладил все, что мог. Когда я умру, после меня останется Эрхарт Рентхейм!

*Маленькая дверь отворяется настежь, и на пороге показывается фру Боркман в наброшенной на голову большой шали.*

**Фру Боркман** (*вне себя*). Никогда в жизни Эрхарт не будет носить этого имени!

**Элла Рентхейм** (*отступая*). Гунхильд!

**Боркман** (*жестко, с угрозой в голосе*). Никто не имеет права входить сюда ко мне!

**Фру Боркман** (*делая шаг вперед*). Я присваиваю себе это право!

**Боркман** (*бросаясь ей навстречу*). Что тебе нужно от меня?

**Фру Боркман**. Я хочу бороться за тебя, защитить тебя от злых сил!

**Элла Рентхейм**. Злейшие силы - в тебе самой, Гунхильд!

**Фру Боркман** (*жестко*). И пусть так. (*Угрожающе поднимая руку.*) Но говорю тебе: он будет носить имя своего отца! И носить с честью. Он вновь прославит это имя! И я одна хочу быть его матерью! Я одна! Сердце моего сына должно принадлежать мне. Мне, и никому больше! (*Уходит, закрывая за собою двери.*)

**Элла Рентхейм** (*вся дрожа, потрясенная до глубины души*). Боркман!.. Эрхарт погибнет в этой борьбе... Вы с Гунхильд должны столкнуться. Нам надо сейчас же спуститься к ней.

**Боркман** (*глядя на нее*). Нам? И мне тоже, по-твоему?

**Элла Рентхейм**. Обоим.

**Боркман** (*качая головой*). Она тверда, Элла. Она тверда, как та руда, которую я когда-то мечтал вызвать из скал.

**Элла Рентхейм**. Попробайся все-таки.

**Боркман**, не отвечая, нерешительно смотрит на нее.

### Действие третье

*Гостиная фру Боркман. На столе перед канане по-прежнему горит лампа. На веранде лампа потушена, темно. Фру Боркман, сильно взволнованная, в наброшенной на голову шали входит из передней, направляется к окну и слегка откидывает гардину, затем садится у печки, но сейчас же вскакивает, идет и дергает сонетку. Ожидает с минуту, никто не является. Она звонит вторично, сильнее. Немного погодя входит из передней горничная, заспанная, недовольная, в наскоро наброшенном платье.*

**Фру Боркман** (*с нетерпением*). Куда вы пропали, Малене? Я звонила два раза!

**Горничная**. Слышала, барыня.

**Фру Боркман**. И все-таки не являлись!

**Горничная** (*недовольным тоном*). Надо же было мне накинуть на себя что-нибудь.

**Фру Боркман**. Да, вам надо одеться как следует. Вам придется сейчас сбегать за моим сыном.

**Горничная** (*с удивлением смотрит на нее*). За господином студентом?

**Фру Боркман**. Да. Вы только передайте, что мне надо поговорить с ним и чтобы он сейчас же шел домой.

**Горничная** (*кисло*). Так лучше разбудить управительского кучера.

**Фру Боркман.** Это зачем?

**Горничная.** Чтобы он заложил санки. В такую метель, вечером...

**Фру Боркман.** Пустяки. Только идите поскорее. Ведь это здесь, за углом.

**Горничная.** Нет, барыня, вовсе не за углом.

**Фру Боркман.** Да конечно же. Не знаете вы, что ли, где дом адвоката Хинкеля?

**Горничная (колко).** Ах, вот что! Так господин студент там сегодня?

**Фру Боркман (пораженная).** А где же ему еще быть?

**Горничная (сдерживая улыбку).** Я думала, где он обыкновенно бывает.

**Фру Боркман.** Где же?

**Горничная.** Да у этой... фру Вильтон, что ли, как ее зовут.

**Фру Боркман.** У фру Вильтон? Мой сын вовсе не бывает там так часто.

**Горничная (бормочет).** Говорят, каждый день.

**Фру Боркман.** Все это одни сплетни, Малене. Так ступайте к адвокату Хинкелю и постарайтесь вызвать Эрхарта.

**Горничная (вскинув голову,).** Ну что ж, пойти-то я пойду. *(Направляется к двери в переднюю.)*

*В это время дверь отворяется, и на пороге показываются Элла Рентхейм и Боркман.*

**Фру Боркман (отшатываясь).** Что это значит?

**Горничная (испуганно всплескивает руками).** Ох, господи Иисусе!

**Фру Боркман (шепотом, ей).** Скажите, чтобы он шел сию минуту!

**Горничная (тихо).** Да, да, барыня.

*Элла Рентхейм и за ней Боркман входят в комнату. Горничная, промигнув мимо них в дверь, закрывает ее за собой. Короткая пауза.*

**Фру Боркман (овладев собою, обращается к Элле).** Что ему нужно здесь, у меня?

**Элла Рентхейм.** Он хочет попытаться объясниться с тобою, Гунхильд.

**Фру Боркман.** Он еще никогда не пытался.

**Элла Рентхейм.** А сегодня хочет.

**Фру Боркман.** В последний раз мы стояли лицом к лицу на суде, когда меня вызывали для объяснений...

**Боркман** (*подходя ближе*). А сегодня я хочу дать объяснения.

**Фру Боркман** (*смотрит на него*). Ты!

**Боркман.** Не насчет своего проступка. Он известен всему свету.

**Фру Боркман** (*с тяжелым вздохом*). Да, это святая истина. Он известен всему свету.

**Боркман.** Но свету неизвестно, почему я дошел до этого. Почему должен был дойти. Люди не понимают, что я должен был поступить так, потому что я был самым собою - Йуном Габриэлем Боркманом, и никем иным. Вот что я хочу попытаться объяснить тебе.

**Фру Боркман** (*качая головой*). Не нужно. Побуждения никого не оправдывают. Влечения тоже.

**Боркман.** Оправдывают - в собственных глазах человека.

**Фру Боркман** (*отмахиваясь рукой*). Ах, оставь это! Я уж думать устала о твоих темных делах.

**Боркман.** Я тоже. За те пять бесконечных лет в одиночной камере... и в другом месте... у меня было довольно досуга. А за эти восемь лет наверху, в зале, - еще больше. Я пересмотрел свое дело вновь... самолично. И не раз. Я сам был своим обвинителем, своим защитником и своим судьей. Более беспристрастным, чем кто-либо другой, осмелюсь сказать. Я ходил там взад и вперед по зале и рассматривал, переворачивал на все лады каждый свой поступок. Рассматривал со всех сторон так же беспощадно, так же безжалостно, как любой адвокат. И вот постоянный результат всех моих размышлений; если я и виноват, то лишь перед самым собою.

**Фру Боркман.** Даже не передо мною? И не перед сыном?

**Боркман.** Ты и он подразумеваетесь само собою, когда я говорю о себе.

**Фру Боркман.** А перед сотнями других? Перед теми, кого ты, говорят, разорил?

**Боркман** (*разгорячись*). В моих руках была власть! И потом... это непреодолимое внутреннее влечение! По всей стране были рассыпаны скованные миллионы, скрытые глубоко в недрах скал, и они взывали ко мне! Молили освободить их. Никто другой не слышал их. Я один!

**Фру Боркман.** Да, к позору имени Боркман.

**Боркман.** Посмотрел бы я, как поступили бы другие на моем месте, будь у них в руках та же власть!

**Фру Боркман.** Никто, никто, кроме тебя, не сделал бы этого.

**Боркман.** Может быть, и нет. Но тогда потому лишь, что у них не оказалось бы моих сил и способностей. А если б они и сделали, то совсем по иным побуждениям, чем я. Тогда и

самое дело вышло бы иным. Одним словом, я оправдал самого себя.

**Элла Рентхейм** (*мягко, умоляюще*). Можешь ли ты говорить так уверенно, Боркман?

**Боркман** (*кивая*). Оправдал себя в том деле. Но затем я пришел к страшному, уничтожающему самообвинению.

**Фру Боркман**. К какому же это?

**Боркман**. Я потерял даром восемь дорогих лет, расхаживая там, наверху! Я должен был тотчас же, как вышел на свободу, снова отдаться действительности... несокрушимой, чуждой всяких мечтаний действительности! Я должен был опять начать снизу и вновь подняться на высоту... еще выше прежнего... вопреки всему, что было!

**Фру Боркман**. О, поверь мне, это значило бы пережить сызнова ту же самую жизнь - и только.

**Боркман** (*качает головой и внушительно говорит*). Нового ничего не бывает. Но и то, что было, также не повторяется. Взгляд изменяет поступок. Переродившийся взгляд изменяет старый поступок... (*Обрывая.*) Ну, да тебе не понять.

**Фру Боркман** (*отрывисто*). Действительно, не понять.

**Боркман**. Именно в этом мое проклятие - никто никогда не понимал меня, ни одна душа человеческая.

**Элла Рентхейм** (*глядит на него*). Никто, Боркман?

**Боркман**. Исключая одной... быть может. Давным-давно. В те дни еще, когда мне казалось, что я не нуждаюсь в понимании. А после - никогда, никто! И у меня не было никого, кто бы бодрствовал подле меня, был бы готов позвать, когда нужно, разбудить меня, как ударом утреннего колокола, вдохновить меня, чтобы я вновь дерзнул. Внушить мне, что я не совершил ничего непоправимого!

**Фру Боркман** (*с презрительным смехом*). Так ты все-таки нуждаешься в таком внушении со стороны?

**Боркман** (*вскипая гневом*). Да, если весь свет шипит хором, что ты погибший человек, то поневоле иногда поддашься и готов бываешь сам поверить этому. (*Гордо закидывая голову.*) Но затем во мне опять поднимается и побеждает мое внутреннее убеждение. И оно оправдывает меня.

**Фру Боркман** (*сурово смотрит на него*). Почему ты никогда не попытался поискать у меня того понимания, о котором говоришь?

**Боркман**. Что толку, если бы я и пытался?

**Фру Боркман** (*делая отстраняющий жест рукой*). Ты никогда не любил никого, кроме себя самого, вот в чем вся суть.

**Боркман** (*гордо*). Я любил власть...

**Фру Боркман.** Власть - да!

**Боркман,** Власть - создавать, широко распространять человеческое счастье вокруг себя!

**Фру Боркман.** В твоей власти было когда-то сделать счастливого меня. Воспользовался ли ты этой властью?

**Боркман** (*не глядя на нее*). Дело редко обходится без жертв... при крушении...

**Фру Боркман.** А сына? Пользовался ли ты своей властью, жил ли когда-нибудь ради его счастья?

**Боркман.** Я не знаю его.

**Фру Боркман.** Правда. Ты даже не знаешь своего сына.

**Боркман** (*жестко*). Об этом позаботилась ты, его мать.

**Фру Боркман** (*высокомерно смотрит на него*). О, ты не знаешь, о чем я позаботилась!

**Боркман.** Ты?

**Фру Боркман.** Именно. Я одна.

**Боркман.** Так скажи.

**Фру Боркман.** Я позаботилась о твоей посмертной славе.

**Боркман** (*с отрывистым, сухим смехом*). О моей посмертной славе? Вот как! Это звучит почти так, словно я уже умер.

**Фру Боркман.** (*многозначительно*). Так оно и есть.

**Боркман** (*медленно*). -Да, ты, пожалуй, права. (*Вдруг вспыхивая.*) Но нет, нет! Нет еще! Я был близок к этому, очень близок. Но теперь я проснулся. Вновь ожил. Передо мной еще жизнь. Я вижу ее, эту новую, светлую жизнь. Она еще в брожении и ждет меня. погоди, л ты ее увидишь.

**Фру Боркман** (*поднимая руку*). И не мечтай больше о жизни! Оставайся смирно там, где лежишь!

**Элла Рентхейм** (*с негодованием*). Гунхильд! Гунхильд! Как ты можешь!

**Фру Боркман** (*не слушая ее*). А я воздвигну памятник над могилой!

**Боркман.** Позорный столб, что ли?

**Фру Боркман** (*со все возрастающим жаром*). Нет, это не будет памятник из камня или металла. И никто не вырежет на воздвигнутом мною памятнике оскорбительной надписи. Твою могильную жизнь обступят густою живою изгородью молодые отпрыски - кусты и деревья. Они закроют все, что было темного в твоей жизни. Скроют от глаз людских Йуна Габриэля Боркмана во мраке забвения!

**Боркман** (*хрипло и резко*). И ты берешься совершить это дело любви?

**Фру Боркман**. Не собственными силами. Об этом я не смею думать. Но я воспитала себе помощника, который положит на это дело свою жизнь. Его жизнь будет так чиста, высока и светла, что всякий след твоей темной жизни будет стерт с лица земли!

**Боркман** (*мрачно и грозно*). Говори прямо - ты подразумеваешь Эрхарта?

**Фру Боркман** (*глядя на него в упор*). Да, Эрхарта. Своего сына, от которого ты готов отречься... во искупление своих собственных деяний.

**Боркман** (*бросив взгляд на Эллу*). Во искупление самой тяжелой моей вины.

**Фру Боркман** (*махнув рукой*). Вины перед лицом посторонним, не больше. Нет, ты вспомни свою вину передо мною! (*Торжествующе глядя на обоих.*) Но он не послушается вас! Когда я крикну ему в час нужды, он придет! Он захочет быть со мной! Со мной, и ни с кем другим! (*Прислушивается и вскрикивает.*) Я слышу!.. Это он! Это он, Эрхарт!

*Дверь распахивается, и вбегает Эрхарт в пальто и шляпе.*

**Эрхарт** (*бледный, испуганный*). Мама! Ради бога, что такое? (*Замечает Боркмана, стоящего налево у двери на веранду, вздрагивает и снимает шляпу. После короткой паузы.*) Зачем ты вызвала меня, мама? Что случилось?

**Фру Боркман** (*протягивая к нему руки*). Я хочу видеть тебя, Эрхарт! Хочу, чтобы ты был со мной... всегда!

**Эрхарт** (*запинаясь*). Быть с тобою?.. Всегда! Что ты хочешь сказать?

**Фру Боркман**. Со мной, со мной! Тебя хотят отнять у меня!

**Эрхарт** (*пораженный, отступает назад*). А, так ты уже знаешь!

**Фру Боркман**. Да. И ты тоже?

**Эрхарт** (*в недоумении*). И я тоже? Конечно.

**Фру Боркман**. Ага! Вы уже сговорились! За моей спиной! Эрхарт! Эрхарт!

**Эрхарт** (*поспешно*). Мама! Скажи мне, что ты знаешь?

**Фру Боркман**. Все. Я знаю, что твоя тетка приехала сюда отнять тебя у меня.

**Эрхарт**. Тетя Элла!

**Элла Рентхейм**. Нет, сначала выслушай меня, Эрхарт!

**Фру Боркман** (*продолжая*). Она хочет, чтобы я уступила тебя ей! Хочет быть тебе вместо матери, Эрхарт! Хочет, чтобы ты с этих пор был ее сыном, а не моим. Хочет сделать тебя своим полным наследником, Взять у тебя твое имя и дать взамен свое!

**Эрхарт.** Тетя Элла, правда ли?

**Элла Рентхейм.** Правда.

**Эрхарт.** В первый раз слышу. Зачем же ты хочешь опять взять меня к себе?

**Элла Рентхейм.** Потому что я чувствую, что теряю тебя здесь...

**Фру Боркман** (*жестко*). Я отнимаю его у тебя! Что ж, это ведь в порядке вещей.

**Элла Рентхейм** (*глядя на него с мольбой*). Эрхарт! Я не в силах потерять тебя. Вспомни, я одинокая... умирающая женщина.

**Эрхарт.** Умирающая?..

**Элла Рентхейм.** Да, умирающая. Так хочешь ты остаться со мною до конца? Быть моим всецело! Быть для меня как бы родным сыном...

**Фру Боркман** (*перебивая*). Изменить своей матери и, быть может, своей жизненной задаче! Согласен ты на это, Эрхарт?

**Элла Рентхейм.** Я приговорена к смерти. Отвечай мне, Эрхарт!

**Эрхарт** (*взволнованно, горячо*). Тетя Элла, ты была так безгранично добра ко мне. Благодаря тебе мое детство было так безмятежно счастливо, как только вообще может быть, я думаю.

**Фру Боркман.** Эрхарт, Эрхарт!

**Элла Рентхейм** (*Эрхарту*). Какая радость для меня, что ты еще можешь смотреть на него так!

**Эрхарт.** Но я не могу теперь принести себя в жертву... посвятить тебе себя всецело, как сын.

**Фру Боркман** (*с торжеством*). Я так и знала! Тебе не взять его, Элла! Не взять!

**Элла Рентхейм** (*удрученно*). Вижу. Ты отвоевала его.

**Фру Боркман.** Да, да, он мой и останется моим! Эрхарт, не правда ли? Нам с тобой предстоит еще пройти хороший конец рука об руку.

**Эрхарт** (*борясь с собой*). Мама! Лучше уж признаться тебе во всем начистоту.

**Фру Боркман** (*напряженно*). Ну?

**Эрхарт.** Пожалуй, небольшой конец осталось нам идти с тобой рука об руку, мама.

**Фру Боркман** (*как пораженная громом*). Что ты хочешь сказать?

**Эрхарт** (*собравшись с духом*). Ах, мама, я же молод! Право, я наконец задохнусь тут в четырех стенах!



**Фру Боркман.** Тут... у меня!

**Эрхарт.** Ну да, у тебя, мама.

**Элла Рентхейм.** Так поедem со мной, Эрхарт!

**Эрхарт.** О тетя! И у тебя ничуть не лучше. Только в другом роде. Но не лучше. Для меня не лучше. Розы, лаванда - та же духота, что и здесь.

**Фру Боркман** (*потрясенная, но уже овладевшая собою*). Здесь, у твоей матери, духота, говоришь ты!

**Эрхарт** (*с возрастающим раздражением*). Да, я не знаю, как назвать иначе. Эта вечная болезненная заботливость... это обожание... или что там еще! Я больше не вынесу этого!

**Фру Боркман** (*устремив на него глубокий, серьезный взгляд*). Ты забываешь, чему посвятил свою жизнь, Эрхарт?

**Эрхарт** (*порывисто*). Скажи лучше, чему ты посвятила мою жизнь. Твоя воля была моей! Собственной воли я не смел иметь никогда! Но теперь я больше не вынесу такого ига! Я молод! Пойми же, мама! (*С вежливо-почтительным взглядом в сторону Боркмана*.) Я не могу посвятить свою жизнь на искупление чужой жизни. Чьей бы то ни было.

**Фру Боркман** (*с возрастающим страхом*). Кто это так изменил тебя, Эрхарт?

**Эрхарт** (*задетый*). Кто?... Да разве я сам не мог бы?..

**Фру Боркман.** Нет, нет, нет! Ты подпал под чье-то чужое влияние! Ты уже не под влиянием матери. И даже не под влиянием твоей... приемной матери.

**Эрхарт** (*с напускным упрямством*). Я сам себе господин, мама! У меня своя воля!

**Боркман** (*делая шаг вперед*). Так, пожалуй, пора заговорить и мне.

**Эрхарт** (*холодно-учтиво*). То есть?... Что вам будет угодно сказать, отец?

**Фру Боркман** (*презрительно*). Да, и я спрошу о том же.

**Боркман** (*невозмутимо*). Слушай, Эрхарт, так ты хочешь примкнуть к отцу? Человека павшего не поднять жизнью, подвигом другого человека. Все это одни пустые мечты, басни, сплетенные для тебя тут, в этой духоте. Живи ты себе, как все святые вместе, мне это не поможет ни на волос.

**Эрхарт** (*учтиво*). Каждое слово - сама истина.

**Боркман.** Да. И мне тоже ни к чему медленно убивать себя тут раскаянием да самобичеванием. Все эти годы я пытался искать спасения в мечтах и надеждах. Но все это не по мне. И я хочу покончить с мечтами.

**Эрхарт** (*с легким поклоном*). И что же вы намерены сделать, отец?

**Боркман.** Встать сам. Начать с начала, снизу. Искупить прошлое можно только настоящим и будущим. Трудом, неустанным трудом во имя всего того, что в молодости представлялось мне самою жизнью. А теперь еще в тысячу раз дороже. Эрхарт, хочешь примкнуть ко мне и помочь мне начать эту новую жизнь?

**Фру Боркман** (*предостерегающе поднимая руку*). Не соглашайся, Эрхарт!

**Элла Рентхейм** (*горячо*). Да, да, согласись! Помоги ему, Эрхарт!

**Фру Боркман.** И ты советуешь это? Ты, одинокая, умирающая?..

**Элла Рентхейм.** О, со мной будь что будет. Все равно.

**Фру Боркман.** Лишь бы не я отняла его у тебя.

**Элла Рентхейм.** Вот именно, Гунхильд!

**Боркман.** Что же, Эрхарт?

**Эрхарт** (*в мучительном затруднении*). Отец, я не могу теперь. Это совершенно невозможно.

**Боркман.** Так чего же ты хочешь наконец?

**Эрхарт** (*с жаром*). Я молод! Я тоже хочу пожить настоящей жизнью! Своею собственной жизнью!

**Элла Рентхейм.** И не можешь даже пожертвовать месяцем-другим, чтобы осветить, согреть жалкую догорающую жизнь?

**Эрхарт.** Не могу, тетя, как бы ни хотел!

**Элла Рентхейм.** Для той, которая так бесконечно любит тебя?

**Эрхарт.** Клянусь тебе жизнью, тетя Элла, не могу!

**Фру Боркман** (*пронизывая его взглядом*). И мать также не привязывает тебя больше?

**Эрхарт.** Мама! Я всегда буду привязан к тебе! Но я не могу больше жить для тебя одной. Это ведь не жизнь для меня, пойми!

**Боркман.** Так примкни же ко мне! Жизнь - это труд, Эрхарт. Пойдем, вступим в жизнь вместе, будем трудиться рука об руку.

**Эрхарт** (*возбужденно*). Да не хочу я теперь трудиться! Я ведь молод! Прежде я никогда не чувствовал этого. Но теперь чувствую. Всем существом своим, горячо, жгуче... Я не хочу трудиться! Я хочу жить, жить, жить!

**Фру Боркман** (*волнуясь от предчувствия*). Эрхарт! Для чего же ты хочешь жить?

**Эрхарт** (*с сияющими глазами*). Для счастья, мама!

**Фру Боркман.** А где ты думаешь найти его?

**Эрхарт.** Я уже нашел его!

**Фру Боркман** (*вскрикивая*). Эрхарт!

**Эрхарт** (*быстро идет, растворяет дверь в переднюю и кричит*). Фанни, теперь ты можешь войти!

*На пороге показывается фру Вильтон в пальто и шляпе.*

**Фру Боркман** (*воздев руки*). Фру Вильтон!..

**Фру Вильтон** (*несколько смущенная и вопросительно глядя на Эрхарта*). Так я могу?..

**Эрхарт.** Да, теперь ты можешь войти. Я все сказал.

*Фру Вильтон входит в комнату. Эрхарт затворяет за нею дверь. Она учтиво-холодно кланяется Боркману, который молча отвечает на ее поклон. Короткая пауза.*

**Фру Вильтон** (*беззвучным, но твердым голосом*). Итак, все уже сказано. И я не могу, конечно, не сознавать, что на меня смотрят здесь как на человека, который внес в дом большое несчастье.

**Фру Боркман** (*пристально глядя на нее, медленно*). Вы уничтожили последнее, что еще привязывало меня к жизни. (*Порывисто.*) Но это совершенно невозможно все-таки!

**Фру Вильтон.** Я хорошо понимаю, что вам это должно казаться совершенно невозможным, фру Боркман.

**Фру Боркман.** Полагаю, что вы и сами должны понимать, что это невозможно. Или как по-вашему?

**Фру Вильтон.** По-моему, это скорее просто нелепо. И тем не менее так будет.

**Фру Боркман** (*отворачиваясь от нее*). И ты вполне серьезно решился на это, Эрхарт?

**Эрхарт.** В этом мое счастье, мама. Огромное, дивное счастье! Вот все, что я могу сказать.

**Фру Боркман** (*стискивая руки*). О, как вы завлекли, обольстили моего несчастного сына!

**Фру Вильтон** (*гордо закидывая голову*). Я этого не делала.

**Фру Боркман.** Не делали!

**Фру Вильтон.** Нет, Я не обольщала и не завлекала вашего сына. Эрхарт добровольно потянулся ко мне. И я добровольно встретила его на полдороге.

**Фру Боркман** (*презрительно смерив ее взглядом*). Вы-то - еще бы!

**Фру Вильтон** (*сдержанно*). Фру Боркман, в жизни человеческой действуют такие силы, которые вам, по-видимому, мало знакомы,

**Фру Боркман.** Какие же это силы, позвольте спросить?

**Фру Вильтон.** Силы, побуждающие двух людей связывать свою судьбу неразрывными узами, несмотря ни на что.

**Фру Боркман** (*с усмешкой*). Мне кажется, вы были уже неразрывно связаны... с другим.

**Фру Вильтон** (*отрывисто*). Этот другой покинул меня.

**Фру Боркман.** Но, говорят, он жив.

**Фру Вильтон.** Для меня он умер.

**Эрхарт** (*убедительно*). Да, мама! Для Фанни он умер. Да, наконец, мне нет до него никакого дела!

**Фру Боркман** (*строго смотрит на него*). Так тебе известно о том, другом?

**Эрхарт.** Да, мама, известно, отлично известно все!

**Фру Боркман.** И все-таки тебе нет дела до этого?

**Эрхарт** (*с юношеским задором*). Я могу только сказать тебе, что хочу одного - счастья! Я молод! Я хочу жить, жить, жить!

**Фру Боркман.** Да, ты молод, Эрхарт. Слишком молод для этого.

**Фру Вильтон** (*твердо и серьезно*). Не думайте, фру Боркман, что я не говорила ему того же. Я сразу изложила ему все обстоятельства своей жизни. И постоянно твердила ему, что я на целых семь лет старше его...

**Эрхарт** (*перебивая*). Ах, Фанни! Я знал это и раньше.

**Фру Вильтон.** Но ничто не помогло.

**Фру Боркман.** Вот как? Не помогло? Почему же вы просто-напросто не оттолкнули его? Не отказали ему от дома? Вот что вам следовало сделать вовремя!

**Фру Вильтон** (*смотрит на нее и затем глухо говорит*). Этого я попросту не могла сделать, фру Боркман.

**Фру Боркман.** Почему?

**Фру Вильтон.** Потому что и для меня другого счастья не было. Одно это... единственное.

**Фру Боркман** (*презрительно*). Гм! Счастье, счастье!..

**Фру Вильтон.** Я никогда не знала прежде, что такое счастье. И не могу же я оттолкнуть от себя счастье только потому, что оно явилось так поздно.

**Фру Боркман.** А долго ли, по-вашему, продлится это счастье?

**Эрхарт** (*перебивая*). Долго ли, нет ли - все равно!

**Фру Боркман** (*гневно*). Ты просто ослеплен. Не видишь ты разве, куда все это заведет тебя?

**Эрхарт**. Я не хочу заглядывать вперед! Не хочу озираться по сторонам! Я только хочу - я тоже - пожить настоящей жизнью!

**Фру Боркман** (*горестно*). И это ты называешь жизнью, Эрхарт!

**Эрхарт**. Да! Разве ты не видишь, как она хороша?

**Фру Боркман** (*ломая руки*). Итак, еще и этот позор должна - я принять на свою голову!

**Боркман** (*в глубине комнаты, жестко и резко*). Ну, тебе ведь не привыкать стать, Гунхильд.

**Элла Рентхейм** (*умоляюще*). Боркман!..

**Эрхарт** (*так же*). Отец!..

**Фру Боркман**. Так мне изо дня в день придется видеть своего родного сына рядом с такой... такой...

**Эрхарт** (*перебивая, резко*). Ничего тебе не придется видеть, мама. Будь спокойна. Я не останусь здесь дольше.

**Фру Вильтон** (*быстро и решительно*). Мы уезжаем, фру Боркман.

**Фру Боркман** (*бледнея*). И вы тоже? Вместе, может быть?

**Фру Вильтон** (*кивая*). Я уезжаю на юг. За границу. Вместе с одной молодой девушкой. И Эрхарт с нами.

**Фру Боркман**. С вами... и с молодой девушкой?

**Фру Вильтон**. Да. Это маленькая Фрида Фулдал, которую я взяла к себе. Я хочу, чтобы она там серьезно занялась музыкой.

**Фру Боркман**. Так и она будет с вами?

**Фру Вильтон**. Не могу же я бросить девочку одну.

**Фру Боркман** (*подавляя усмешку*). А ты что скажешь на это, Эрхарт?

**Эрхарт** (*несколько смущенно, пожимая плечами*). Что ж, если Фанни непременно желает, то...

**Фру Боркман** (*холодно*). Когда едет вся компания, если можно спросить?

**Фру Вильтон**. Сейчас же, ночью. Мой возок готов, стоит у дачи Хинкеля.

**Фру Боркман** (*смерив ее взглядом*). Ага! Вот, значит, какой там был вечер!

**Фру Вильтон** (*с улыбкой*). Кроме меня с Эрхартом, никого не было. Да еще Фрида, разумеется.

**Фру Боркман**. А где же она теперь?

**Фру Вильтон**. Сидит в возке и ждет нас.

**Эрхарт** (*в мучительном смущении*). Мама, ты поймешь, конечно... Я хотел пощадить тебя... избавить тебя... и всех нас от всего этого.

**Фру Боркман** (*глядит на него глубоко оскорбленная*). Ты хотел уехать, не простясь со мною?

**Эрхарт**. Мне казалось, так будет лучше. Лучше для всех. Все ведь было в порядке. Вещи уложены. Но тут ты прислала за мной. (*Протягивает ей руки.*) Прощай же, мама.

**Фру Боркман** (*отстраняя его*). Оставь меня!

**Эрхарт** (*опешив*). И это твое последнее слово?

**Фру Боркман** (*сурово*). Да.

**Эрхарт** (*обращаясь к Элле Рентхейм*). Так простимся с тобою, тетя Элла.

**Элла Рентхейм** (*сжимая ему руки*). Прощай, Эрхарт! Живи своею жизнью... и будь счастлив... счастлив... как только можешь!

**Эрхарт**. Благодарю, тетя! (*Делая поклон в сторону Воркмана.*) Прощайте, отец. (*Шепотом, фру Вильтон.*) Уйдем же. Чем скорее, тем лучше.

**Фру Вильтон** (*так же тихо*). Уйдем, уйдем.

**Фру Боркман** (*со злой усмешкой*). Фру Вильтон, по-вашему, вы достаточно умно поступаете, увозя с собою эту молодую девушку?

**Фру Вильтон** (*отвечает улыбкой, полушутя, полусерьезно*). Мужчины так непостоянны, фру Боркман. Да и женщины тоже. Когда Эрхарт покончит со мной, а я с ним, то недурно будет для нас обоих, если у него, бедного, останется ктонибудь в утешение.

**Фру Боркман**. А вы-то сами как же?

**Фру Вильтон**. О, я-то уж устроюсь, не беспокойтесь! Прощайте! (*Делает общий поклон и уходит в переднюю.*)

*Эрхарт с минуту как бы колеблется, но затем поворачивается и следует за ней.*

**Фру Боркман** (*опустив стиснутые руки*). Бездетна!

**Боркман** (*как бы пробудившись и внезапно придя к решению*). Так один навстречу буре! Моя шляпа, мой плащ! (*Спешит к дверям.*)

**Элла Рентхейм** (*в страхе останавливает его*). Йун Габриэль, куда ты?

**Боркман.** Навстречу бурям жизни! Пусти, Элла!

**Элла Рентхейм** (*крепко держит его*). Нет, нет, не пущу! Ты болен. Я вижу по твоему лицу!

**Боркман.** Пусти, говорят тебе! (*Вырывается и уходит в переднюю.*)

**Элла Рентхейм** (*в дверях*). Помоги мне удержать его, Гунхильд!

**Фру Боркман** (*холодно и сурово, не двигаясь с места*). Я не удерживаю никого. Пусть хоть все уходят от меня! И тот, и другой! Хоть на край света... куда хотят! (*Внезапно, с раздирающим душу воплем.*) Эрхарт, не уезжай! (*Кидается с распростертыми руками к дверям. Элла Рентхейм удерживает ее.*)

#### Действие четвертое

*Открытая площадка перед главным домом, расположенным направо. Виден только один угол дома с подъездом и ведущими к нему отлогими каменными ступенями. На заднем плане поросшие соснами крутые обрывы, подступающие к самой усадьбе. Налево реденькая опушка молодого леса. Вьюга прекратилась, устлав землю глубоким снегом; сосны также все в снегу. Темно. По небу бегут облака. По временам чуть просвечивает луна. От снега на все окружающее ложится слабый отблеск. Боркман, фру Боркман и Элла Рентхейм стоят на верхней ступени подъезда. Боркман устало прислонился к стене дома. На плечах у него старомодный плащ, в одной руке серая мягкая фетровая шляпа, а в другой - суковатая дубинка. Элла Рентхейм держит свое пальто перекинутым через руку. Фру Боркман в большой шали, которая сползла у ней с головы, открыв волосы.*

**Элла Рентхейм** (*загораживая ей дорогу*). Не беги за ним, Гунхильд!

**Фру Боркман** (*в страхе и во мнении*). Пусти меня! Он не должен покидать меня!

**Элла Рентхейм.** Да ведь это же ни к чему, говорю тебе! Тебе не догнать его!

**Фру Боркман.** Пусти меня все-таки, Элла! Я закричу ему вслед с холма. Он услышит вопль матери!

**Элла Рентхейм.** Он не может услышать тебя. Он уже, верно, сидит в возке.

**Фру Боркман.** Нет, нет... Он еще не успел...

**Элла Рентхейм.** Он давно сидит в возке, поверь мне.

**Фру Боркман** (*в отчаянии*). А если сидит, то сидит с ней, с ней, с ней!..

**Боркман** (*с угрюмым смехом*). И тогда уж наверное не услышит вопля матери.

**Фру Боркман.** Да, не услышит. (*Прислушивается.*) Тсс! Что это?

**Элла Рентхейм** (*также прислушивается*). Как будто колокольчики?

**Фру Боркман** (*глухо вскрикивает*). Это ее возок!

**Элла Рентхейм**. Может быть, чей-нибудь другой.

**Фру Боркман**. Нет, нет! Это возок фру Вильтон! Я узнаю серебряные колокольчики! Слышишь? Сейчас они проедут мимо нас - внизу, под холмом!

**Элла Рентхейм** (*быстро*). Гунхильд, если хочешь крикнуть - крикни сейчас! Может быть, он все-таки...

*Звон колокольчиков приближается, раздаваясь в лесу.*  
Скорее, Гунхильд! Теперь они как раз тут, внизу!

**Фру Боркман** (*стоит с минуту в нерешимости, затем вдруг словно застывает и говорит твердо и холодно*). Нет. Я не крикну. Пусть Эрхарт Боркман проедет мимо. Уедет далеко-далеко, навстречу тому, что он зовет жизнью и счастьем.

*Звон колокольчиков замирает вдали.*

**Элла Рентхейм** (*немного погодя*). Теперь колокольчиков не слышно больше.

**Фру Боркман**. Мне чудится... прозвонили погребальные колокола.

**Боркман** (*с сухим, глухим смехом*). Ого! Это еще не надо мной.

**Фру Боркман**. Так надо мной. И над тем, кто покинул меня.

**Элла Рентхейм** (*задумчиво кивая*). Как знать, Гунхильд, ему этот звон, может быть, все-таки возвещает жизнь и счастье.

**Фру Боркман** (*встрепенувшись, строго глядит на нее*). Жизнь и счастье, говоришь?

**Элла Рентхейм**. Хоть на краткий миг.

**Фру Боркман**. Ты желала бы ему жизни и счастья... с нею?

**Элла Рентхейм** (*с чувством*). От всего сердца!

**Фру Боркман** (*холодно*). Так твое сердце богаче любовью, чем мое.

**Элла Рентхейм** (*долго смотрит перед собою молча*). Может быть, потому, что мне не на кого было тратить ее.

**Фру Боркман** (*глядя на нее в упор*). Если так, то я, пожалуй, скоро сравняюсь с тобою богатством, Элла! (*Поворачивается и уходит в дом.*)



**Элла Рентхейм** (*стоит с минуту, грустно глядя на Боркмана, затем осторожно кладет руку ему на плечо*). - Йун, пойдем и мы с тобою в дом.

**Боркман** (*как бы очнувшись*). Я?

**Элла Рентхейм**. Да. Тебе вреден этот резкий зимний воздух. Я вижу, Йун. Пойдем со мною домой, под кров. В тепло.

**Боркман** (*гневно*). Не опять ли наверх, в залу?

**Элла Рентхейм**. Лучше в гостиную, к ней.

**Боркман** (*еще более раздражаясь*). Никогда в жизни ноги моей не будет больше под этой кровлей!

**Элла Рентхейм**. Так куда же ты пойдешь? В такую пору, ночью, Йун?

**Боркман** (*надевая шляпу*). Прежде всего хочу пойти взглянуть на свои погребенные сокровища.

**Элла Рентхейм** (*робко глядя на него*). Йун, я не понимаю тебя.

**Боркман** (*с хриплым смехом*). Не бойся, Элла! Я говорю не о спрятанных награбленных богатствах! (*Вдруг останавливается и указывает вперед*.) Смотри! Кто это?

*Из-за угла выходит, сильно прихрамывая на левую ногу и с трудом пробираясь по снегу, Вильгельм Фулдал в старомодной, запорошенной снегом шинели, в мягкой шляпе с отогнутыми полями и с большим зонтиком в руке.*

Вильгельм! Зачем ты ко мне... опять?

**Фулдал** (*взглянув наверх*). Господи помилуй!.. Ты тут, на крыльце, Йун Габриэль? (*Кланяясь*.) и фру Боркман тоже, как вижу!

**Боркман** (*отрывисто*). Это не фру Боркман.

**Фулдал**. Ах, виноват. Я как раз потерял сейчас в снегу свои очки. Но ты-то как... как... Ты никогда ведь не выходишь из комнаты?..

**Боркман** (*пренебрежительно и весело*). Пора, видишь ли, и мне опять привыкнуть к жизни на вольном воздухе! Почти три года в предварительном заключении, пять лет в одиночном и восемь - в зале наверху...

**Элла Рентхейм** (*озабоченно*). Боркман, прошу тебя!..

**Фулдал**. Ох, да, да...

**Боркман**. Но что же тебе нужно от меня, спрашиваю?

**Фулдал** (*все стоя внизу у крыльца*). Я шел к тебе, Йун Габриэль. Меня так вот и потянуло к тебе... в залу. Господи! В ту залу!

**Боркман**. Так ты опять шел ко мне?... Я ведь прогнал тебя!

**Фулдал**. Ну, велика беда!

**Боркман**. Что у тебя с ногой? Ты хромаешь?

**Фулдал**. Да, какой-то возок...

**Боркман**. Ого!

**Фулдал**. ...Запряженный парой. Лошади неслись, как ветер, с холма. Я не успел посторониться, и вот...

**Элла Рентхейм**. И они переехали вас?

**Фулдал**. Прямо наехали на меня, фру... или фрекен. Прямо на меня, и я покатился по снегу, потерял очки, сломал зонтик и (потирая, ногу) вот слегка зашиб ногу.

**Боркман** (*с усмешкой в голосе*). Знаешь ли ты, кто сидел в возке, Вильхельм?

**Фулдал**. Нет, откуда мне знать? Возок крытый, да еще занавески спущены. И кучер даже не придержал лошадей, когда я покатился. Ну, да это все равно, потому что... (*С внезапным порывом.*) Я так рад, бесконечно рад!

**Боркман**. Рад?

**Фулдал**. Да как же иначе сказать? Самое подходящее, по-моему, сказать рад. Случилось нечто просто удивительное! Вот я и не мог не... Я должен был поделиться своей радостью с тобой, Йун Габриэль.

**Боркман** (*сурово*). Ну, делись, что ли!

**Элла Рентхейм**. Да пригласи же сначала своего друга войти в дом, Боркман!

**Боркман** (*жестко*). Я не войду в этот дом, сказал я.

**Элла Рентхейм**. Да ты же слышишь, что его переехали!

**Боркман**. О, всех нас переезжают... хоть раз в жизни. Надо только опять встать на ноги. Как ни в чем не бывало.

**Фулдал**. Вот глубокая мысль, Йун Габриэль. Да ничего, я и тут отлично могу рассказать все, вкратце.

**Боркман** (*мягче*). Ну, ну, рассказывай, Вильхельм.

**Фулдал**. Ты только послушай! Представь себе... прихожу это я от тебя сегодня вечером домой и вижу - письмо. Отгадай, от кого.

**Боркман**. Должно быть, от твоей дочки, от Фриды?

**Фулдал**. Именно! Как это ты угадал сразу? Да такое длинное... довольно длинное письмо от Фриды. Его принес слуга. И как бы ты думал, что она пишет?

**Боркман**. Уж не прощается ли с родителями?

**Фулдал**. Именно! Удивительно, какой ты мастер отгадывать, Йун Габриэль. Да, она пишет, что фру Вильтон очень добра к ней и вот берет ее с собой за границу. Чтобы Фрида училась там посерьезнее музыке, говорится в письме. И еще фру Вильтон позаботилась найти хорошего учителя, который поедет с ними и будет заниматься с Фридой науками. Она ведь, к сожалению, поотстала по некоторым предметам, понимаешь?

**Боркман** (*подавляя kloкочущий в нем смех*). Тик, так. Отлично, отлично понимаю все, Вильхельм.

**Фулдал** (*с тем же увлечением*). И подумай, она узнала о поездке только сегодня вечером. Там, в гостях, где она была, - ты знаешь. Гм! И все-таки нашла время написать. Да еще такое теплое, хорошее, сердечное письмо... уверяю тебя! Ни следа больше презрения к отцу. И это тоже такая деликатность, что она пожелала проститься с нами письменно... перед отъездом. (*Смеясь.*) Только не тут-то было!

**Боркман** (*вопросительно глядя на него*). Как так?

**Фулдал**. Она пишет, что едут они завтра рано утром. Рано-рано.

**Боркман**. Те-те, завтра? Она так пишет?

**Фулдал** (*посмеиваясь и потирая руки*). Да. Но я хитер, видишь ли. Я сейчас же прямехонько к фру Вильтон...

**Боркман**. Сейчас, вечером?

**Фулдал**. Ну, так что ж? Не так еще поздно. И если у них уже заперто, я позвоню. Без церемоний. Во что бы то ни стало хочу повидаться с Фридой, прежде чем она уедет. Спокойной ночи, спокойной ночи! (*Хочет идти.*)

**Боркман**. Послушай, бедняга Вильхельм, избавь себя от труда, не ходи...

**Фулдал**. Ты насчет ноги?

**Боркман**. Да. И к тому же ты все равно не попадешь к фру Вильтон.

**Фулдал.** Непременно. Буду звонить и трезвонить до тех пор, пока мне не отопрут. Я хочу видеть Фриду и увижу ее.

**Элла Рентхейм.** Ваша дочь уже уехала, господин Фулдал.

**Фулдал** (*как пораженный громом*). Фрида уже уехала? Вы это наверное знаете? От кого же?

**Боркман.** От ее будущего учителя.

**Фулдал.** Да?.. Кто же он?

**Боркман.** Некий студент Эрхарт Бвркман.

**Фулдал** (*просияв от радости*). Твой сын, Йун Габриэль! И он поедет с ними?

**Боркман.** Да-а. Он-то и будет помогать фру Вильтон просвещать твою дочку Фриду.

**Фулдал.** Ну, слава тебе господи! Значит девочка в наилучших руках. Но разве это уже наверное, что они уехали с нею?

**Боркман.** Они уехали с нею в том самом возке, который переехал тебя по дороге.

**Фулдал** (*всплеснув руками*). Подумать только, что моя дочурка Фрида катила в таком щегольском возке!

**Боркман** (*кивая*). Да, да, Вильхельм, твоя дочь покатит теперь, нечего сказать! И студент Боркман тоже. Ну, а ты заметил серебряные колокольчики?

**Фулдал.** Как же!.. Серебряные, ты говоришь? Разве они серебряные? Из настоящего серебра?

**Боркман.** Уж будь уверен. У них там все настоящее. И снаружи и... внутри.

**Фулдал** (*тихо, взволнованно*). Ну, не диво ли, как может повезти человеку! Это мой... мой маленький поэтический дар перешел в музыкальный талант у Фриды. Все-таки, значит, не даром я был поэтом. Теперь она вырвется в широкий мир божий, наглядится на все чудеса, о чем когда-то мечтал я... В крытом возке едет моя маленькая Фрида... с серебряными колокольчиками...

**Боркман.** И переезжает родного отца...

**Фулдал** (*весело*). Э, что там! Стоит говорить обо мне, когда мое дитя... Ну, значит, я все-таки опоздал. Так пойду домой утешать ее мать. Сидит в кухне и плачет.

**Боркман.** Плачет?

**Фулдал** (*посмеиваясь*). Да, подумай! Так и заливалась, когда я уходил.

**Боркман**. А ты смеешься, Вильхельм!

**Фулдал**. Я... да! А она, бедняжка, не понимает хорошенько. Ну, так прощай! Хорошо, что у меня конка под боком. Прощай, прощай, Йун Габриэль! Прощайте, фрекен! (*Кланяется и медленно, с трудом ковыляет обратно по снегу.*)

**Боркман** (*стоит с минуту, молча глядя перед собою*). Прощай, Вильхельм! Не в первый раз в жизни тебя переехали, старый друг!

**Элла Рентхейм** (*смотрит на него, стараясь побороть волнение*). Как ты бледен, Йун!

**Боркман**. Это все от тюремного воздуха там, наверху.

**Элла Рентхейм**. Я никогда не видала тебя таким.

**Боркман**. Да ты, верно, никогда не видала вырвавшегося на волю каторжника.

**Элла Рентхейм**. Пойдем же, пожалуйста, домой, Йун!

**Боркман**. Оставь эту песню. Я уж сказал тебе...

**Элла Рентхейм**. Но если я умоляю тебя! Ради тебя самого...

*На пороге показывается горничная.*

**Горничная**. Извините, но барыня велела запереть двери.

**Боркман** (*тихо, Элле*). Слышишь, они хотят запереть меня опять!

**Элла Рентхейм** (*горничной*). Директору не совсем хорошо. Он хочет еще подышать свежим воздухом.

**Горничная**. Но барыня сказала...

**Элла Рентхейм**. Я сама запру двери. Оставьте только ключ в замке.

**Горничная**. Помилуйте, мне что! Как хотите. (*Уходит в дом.*)

**Боркман** (*стоит с минуту молча и прислушивается, потом быстро спускается на площадку*). Теперь я вырвался из застенка, Элла! Теперь им не поймать меня больше никогда!

**Элла Рентхейм** (*спускается за ним*). Да ведь ты же свободен и там, Йун. Можешь уходить и приходить, когда тебе вздумается.

**Боркман** (*тихо, точно опасаясь чего-то*). Ни за что не пойду больше под крышу. Тут так

хорошо ночью! Вернись я теперь к себе в залу - потолок и стены сдвинулись бы, раздавили, сплюснули бы меня, как муху...

**Элла Рентхейм.** Так куда же ты пойдешь?

**Боркман.** Только бы идти, идти, идти! Посмотреть, нельзя ли опять выйти на свободу, вернуться в жизнь, к людям. Хочешь идти со мною, Элла?

**Элла Рентхейм.** Я? Сейчас?

**Боркман.** Да, да, сейчас!

**Элла Рентхейм.** Далеко ли?

**Боркман.** Сколько хватит сил.

**Элла Рентхейм.** Что ты! Одумайся! В такую сырую, холодную зимнюю ночь...

**Боркман** *(дико и хрипло)*. Ага! Фрекен боится за свое здоровье? Да, да, оно ведь такое хрупкое.

**Элла Рентхейм.** Я боюсь за твоё здоровье.

**Боркман.** Хо-хо-хо! За здоровье мертвеца! Ты меня смешишь, Элла! *(Идет дальше.)*

**Элла Рентхейм** *(догоняя и удерживая его)*, Как ты себя назвал? Как?

**Боркман.** Мертвецом. Не помнишь разве - Гунхильд сказала, чтобы я лежал смирно, где лежу.

**Элла Рентхейм** *(набрасывая на себя пальто, решительно)*. Я иду с тобою, Йун.

**Боркман.** Да, мы с тобою ведь пара, Элла. *(Идет дальше.)* Идем же!

*Боркман и Элла Рентхейм уходят в лесок налево и мало-помалу скрываются из виду. Постепенно изменяется и весь ландшафт, становясь все более и более диким, исчезают из виду дом и двор, сменяясь опушкой леса, переходящей затем в чащу с тропинками и обрывами.*

**Голос Эллы Рентхейм** *(доносится из лесу справа)*. Куда же мы идем, Йун? Я не знаю этих мест.

**Голос Боркмана** *(с более высокого места)*. Держись только моих следов на снегу.

**Голос Эллы Рентхейм.** Но зачем же нам взбираться так высоко?

**Голос Боркмана** *(ближе)*. Нам надо взобраться по этой извилистой тропе.

**Элла Рентхейм** (*еще за деревьями*). У меня скоро сил не хватит больше!

**Боркман** (*показываясь справа*). Иди, иди! Теперь недалеко до открытого места. Там прежде стояла скамейка.

**Элла Рентхейм** (*выходя из-за деревьев*). Ты помнишь ее?

**Боркман**. Там ты можешь отдохнуть.

*Они выходят на небольшую открытую поляну в лесу над крутым обрывом. Тропинка круто поднимается сзади них. Налево открывается вид на фьорд, находящийся глубоко внизу, и на высокие дальние кряжи, громоздящиеся один над другим. На краю обрыва, налево, засохшая сосна, под ней скамейка. Вся поляна занесена глубоким снегом. Боркман и Элла с трудом пробираются справа по снегу к скамейке. (Останавливаясь над обрывом налево.)* Поди сюда, Элла, ты увидишь...

**Элла Рентхейм** (*присоединяясь к нему*). Что ты хочешь показать мне, Йун?

**Боркман** (*указывая вниз*). Видишь, как широко, привольно раскинулась перед нами страна?

**Элла Рентхейм**. На этой скамейке мы с тобой часто сживали, и перед нами открывались горизонты еще куда шире, бесконечнее.

**Боркман**. Тогда расстилалась перед нами страна грез.

**Элла Рентхейм** (*грустно качая головой*). Страна грез, куда мы с тобой уносились тогда. А теперь эта страна погребена под снегом... И старое дерево засохло.

**Боркман**. Я вижу вдали... Пароходы приходят и уходят. Связывают между собою народы и страны всего мира. Вносят свет и тепло в сердца тысяч человеческих семей. Вот что и было моей мечтой.

**Элла Рентхейм** (*тихо*). И осталось мечтой.

**Боркман**. Осталось мечтой, да. (*Прислушивается.*) А слышишь там, внизу, на горных речках?.. Шумят и гудят фабрики, заводы! Мои заводы! Все те, которые я хотел создать. Послушай только, какой шум! Работает ночная смена. Работа кипит и днем и ночью. Слушай, слушай! Колеса жужжат, валы мелькают... вертятся, вертятся... Ты разве не слышишь, Элла?

**Элла Рентхейм**. Нет.

**Боркман**. Я слышу.

**Элла Рентхейм** (*тревожно*). Ты, верно, ошибаешься, Йун.

**Боркман** (*все более и более разгораясь*). И знай: все это - лишь форпосты, окружающие

царство!

**Элла Рентхейм.** Царство? Какое?..

**Боркман.** Да мое же! Царство, которым я готов был завладеть тогда тогда, когда я умер.

**Элла Рентхейм** (*тихо, потрясенная*). О Йун, Йун!

**Боркман.** и вот оно осталось без господина, без защитника... на произвол грабителей, опустошителей... Элла! Видишь ли там, вдали, ряды скал? Они громоздятся одна над другой. Одна выше другой. Под самые небеса. Вот оно, мое бесконечное, необъятное царство с неистощимыми богатствами!

**Элла Рентхейм.** Оттуда веет таким леденящим холодом, Йун!

**Боркман.** Он вдыхает в меня жизнь, словно приносит мне привет от подвластных духов. Я чутьем угадываю эти скованные миллионы, ощущаю присутствие этих рудных жил, которые тянутся ко мне, точно узловатые, разветвляющиеся, манящие руки. Я видел их... они вставали передо мной, как ожившие тени, в ту ночь, когда я стоял с фонарем в руках в кладовой банка... Вы просились на волю, и я пытался освободить вас. Но не справился. Сокровища опять погрузились в бездну. (*Простирая руки.*) Но я хочу шепнуть вам в этой ночной тишине, что я люблю вас, погребенные заживо в бездне, во мраке, мнимоумершие! Я люблю вас, жаждущие жизни сокровища, со всей вашей блестящей свитой почестей и власти. Люблю, люблю, люблю вас!

**Элла Рентхейм** (*сдерживая все усиливающееся волнение*). Да, там, 'под землей, сосредоточил ты свою любовь, там она и осталась, Йун. А здесь здесь, на земле, билось горячее живое человеческое сердце, билось для тебя, - его ты разбил! Нет, хуже, в десять раз хуже! Ты продал его за... за...

**Боркман** (*содрогаясь, точно его пронизывает насквозь холодом*). За царство... силу... и славу... да?

**Элла Рентхейм.** Да. Я уже раз сказала тебе это сегодня. Ты убил душу живую в женщине, которая любила тебя и которую ты любил. Любил, насколько вообще способен любить. (*Поднимая руку.*) И я предсказываю тебе, Йун Габриэль Боркман, - ты не добьешься этим убийством желанной награды. Никогда не совершишь победоносного въезда в свое холодное, мрачное царство.

**Боркман** (*шатается и грузно опускается на скамейку*). Боюсь... как бы твое предсказание не сбылось, Элла.

**Элла Рентхейм** (*склоняясь к нему*). Бояться не надо, Йун. Для тебя всего лучше, если бы оно сбылось.

**Боркман** (*с криком хватается за грудь*). А!.. (*Слабым голосом.*) Отпустило.

**Элла Рентхейм** (*трясет его*). Что с тобой, Йун!



**Боркман** (*откидываясь назад, на спинку скамейки*). Точно кто-то сдавил мне сердце ледяной рукой...

**Элла Рентхейм**. Йун! Ледяной рукой!

**Боркман** (*едва внятно*). Нет... не ледяной... железной... (*Тихо валится боком на скамейку.*)

**Элла Рентхейм** (*срывая с себя пальто и накрывая им Боркмана*). Лежи, лежи спокойно! Я сейчас сбегая за помощью! (*Делает несколько шагов направо, затем останавливается, возвращается к Боркману, щупает его пульс и долго смотрит ему в лицо. Тихим, твердым голосом.*) Нет, так будет лучше, Йун Боркман, Лучше для тебя. (*Тщательно укрывает его своим пальто и сама опускается на снег возле скамейки.*)

*Короткая пауза. Затем справа из лесу показываются закутанная в шубу фру Боркман и горничная с зажженным фонарем в руке.*

**Горничная** (*освещая фонарем снег*). Вот, вот, барыня. Следы ведут сюда...

**Фру Боркман** (*озираясь вокруг*). Да вон они! Сидят на скамейке. (*Кричит.*) Элла!

**Элла Рентхейм** (*встает*). И ты за нами следом?

**Фру Боркман** (*сурово*). Пришлось.

**Элла Рентхейм** (*указывая на Боркмана*). Вот он лежит, Гунхильд!

**Фру Боркман**. Спит?

**Элла Рентхейм** (*кивает головой*). Глубоким, долгим сном.

**Фру Боркман** (*с внезапным порывом*). Элла! (*Овладевая собой, глухим голосом.*) Это он... сам?

**Элла Рентхейм**. Нет.

**Фру Боркман** (*вздыхнув свободнее*). Так не от своей руки?

**Элла Рентхейм**. Нет. Ледяная, железная рука сдавила ему сердце.

**Фру Боркман** (*горничной*). Бегите за помощью. Сзовите людей из дому.

**Горничная**. Сейчас, сейчас. (*Тихо.*) Ах ты, боже мой! (*Уходит через лес направо.*)

**Фру Боркман** (*стоя позади скамейки*). Так, значит, ночной воздух убил его...

**Элла Рентхейм**. Должно быть.

**Фру Боркман.** Такого сильного человека!

**Элла Рентхейм** (*становясь перед скамейкой*). Ты не взглянешь на него, Рунхильд?

**Фру Боркман** (*делая отстраняющий жест*). Нет, нет, нет! (*Понижая голос.*) Он был сыном рудокопа, директором банка и не мог вынести свежего воздуха.

**Элла Рентхейм.** Скорее, его убил холод.

**Фру Боркман** (*отрицательно качая головой*). Холод, говоришь ты? Холод убил его давным-давно.

**Элла Рентхейм** (*кивая*). А нас с тобой превратил в тени.

**Фру Боркман.** Ты права.

**Элла Рентхейм** (*с болезненной улыбкой*). Мертвец и две тени - вот что сделал холод.

**Фру Боркман.** Холод сердца... И теперь мы, пожалуй, можем протянуть друг другу руки, Элла.

**Элла Рентхейм.** Я думаю, теперь можем.

**Фру Боркман** (*стоя за спинкой скамейки*). Мы, сестры-близнецы, - над трупом того, кого обе любили...

**Элла Рентхейм** (*перед скамейкой*). Мы, две тени, - над мертвецом.

*Протягивают друг другу руки.*